

к 1368337

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

*Тезисы докладов
межвузовской научной конференции
24—26 ноября 1999 г.*

**ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2000**

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Попов И. А. (Санкт-Петербург) Вологодский диалектологический центр в кругу других региональных центров Диалектологического атласа русского языка (1939—1945).	9
Судаков Г. В. (Вологда) В начале пути (к 60-летию создания в Вологде диалектологического коллектива под руководством А. С. Ягодинского).	10
Тихонова А. В. (Вологда) Об Александре Семеновиче Ягодинском.....	15

Социолингвистические и грамматические проблемы диалектологии

Авдеева М. Т. (Воронеж) Факторы устойчивости лексики украинских говоров Воронежской области.	21
Волкова Н. А., Праведников С. П. (Курск) Изучение русских народных говоров: новые подходы.....	22
Ганцовская Н. С. (Кострома) К вопросу о типологии островных говоров междуречья Костромы и Унжи.....	24
Зорина Л. Ю. (Вологда) Словарь вологодских говоров как сокровищница архаических явлений.	26
Кириллова Т. В. (Тверь) Об изучении осташковских говоров.	27
Кознева Л. М. (Вологда) История форм настоящего времени глагола <i>быть</i> в вологодских говорах.	29
Коршунова Л. С. (Арзамас) Эмоционально-экспрессивные глаголы в говорах юга Нижегородской области (на примере ЛСГ со значением 'есть, принимать пищу').....	31
Маркина Л. В. (Саранск) Бессоюзные полипредикативные конструкции с перечислительными отношениями в современной диалектной речи (на материале русских говоров на территории современной республики Мордовии).	33
Паникаровская Т. Г. Вологодская лексика в Словаре русских народных говоров.	35
Петров А.В. (Архангельск) Специфика современного армейского жаргона.	37
Проценко Б.Н. (Ростов-на-Дону) Русско-украинское этноязыковое пограничье юга России.	38

Самойлова Ю. В. (Магадан) Русский островной говор старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США).	41
Седлова Л. П. (Вологда) О сочетании традиционных и специфических способов образования арготизмов (на материале французского языка).	43
Ставицкая Леся (Киев) Национальная специфика украинского сленгового словоупотребления.....	45
Черенкова А. Д. (Воронеж) Делиберативные словосочетания в воронежской разговорной речи.	47
Шаброва Е. Н. (Вологда) Словообразовательные особенности диалектных непроеизводных глаголов в современных вологодских говорах.	51
Яцкевич Л. Г. (Вологда) Функционально-типологический подход к изучению диалектной морфологии.	53

Диалектная лексика в ономаσιологическом и семасиологическом аспектах

Андреева Е. П. (Вологда) Ономатопы в вологодских говорах.	55
Долгушев В. Г. (Киров) Мифологема и отражение ее в языковом сознании диалектоносителя (на материале диалектных наименований лешего в вятских говорах).	57
Дьякова В. И. (Воронеж) Названия одежды в воронежских говорах.	59
Климкова Л. А., Назарова И. В. (Арзамас) К характеристике неактуальной диалектой лексики.	60
Крылова О. Н. (Санкт-Петербург) Принципы номинации в тематической группе «Одежда» в севернорусских говорах.....	63
Кузьмина Е. Б. (Псков) К вопросу об этимологии и употреблении лексемы <i>обабок</i>	64
Лебедева И. В. (Кострома) Особенности диалектной синонимии.	66
Лскарева Л. А. (Псков) Из псковской ландшафтной лексики.	69
Налетова Н. И. (Псков) Роль фитонимов в семантической деривации (на материале псковских говоров).	70
Никифорова О. В. (Арзамас) К вопросу о принципах номинации в диалекте (на материале лексики свадебного обряда в говорах Нижегородской области).	72
Никулина Т. Е. (Кострома) Из наблюдений над наименованиями леса, выросшего на пожарище.	74

Пантюхина Ю. А. (Орел) Лексико-семантические варианты диалектного глагола <i>немовать</i>	75
Педченко Л. В. (Харьков) Понятие 'огонь' в русской языковой картине мира (на материале диалектной лексики).....	77
Пецкая Т. А. (Псков) Названия укладок снопов в русских народных говорах.....	79
Флягина М. А. (Ростов-на-Дону) К вопросу о мотивации наименований природных объектов (на материале ландшафтной лексики донских говоров).....	81

Диалектная лексика в географической и временной проекции Лингвогеография

Варникова Е. Н. (Ярославль) Лингвогеография и ономастика.....	84
Демидова К. И. (Екатеринбург) Единица лексического картографирования говоров территории позднего заселения (на материале говоров Среднего Урала).....	86
Мызников С.А. (Санкт-Петербург) Значение лексических данных для лингвогеографических методов изучения субстратного ландшафта в севернорусских говорах.	88

Историческая лексикология и лексикография

Бахвалова Т. В. (Орел) Географические пометы в диалектном словаре как источник информации об особенностях лексики говоров.....	90
Волынская А. В. (Архангельск) Историко-диалектный словарь «Лексика архангельских памятников XVI — нач. XVII вв.».....	92
Давыдова Е. В. (Воронеж) Лексическое богатство говоров и историческая лексикология.	94
Ларина Л. И., Занозина Л. О. (Курск) Курские говоры как объект лексикографического изучения.....	95
Карнаушенко Г. Н. Некоторые проблемы лексикографического представления диалектной лексики.	97
Ковалых Е. В. (Псков) Общерусское и региональное в наименованиях людей (на материале хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII в.).	99
Костючук Л. Я. (Псков) Свидетельства об истории языка и истории народа (по псковским памятникам и говорам).....	101

Кюршунова И. А. (Петрозаводск) О проекте словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-западной Руси XV—XVII вв.	103
Кузьмин И. В. (Нижний Новгород) Современные технологии в области региональной лексикографии: возможности и перспективы.	105
Попова И. Н. (Вологда) Писцовые книги Вологды и Устюга Великого XVII в. как объект исторической стилистики.	108
Попова Н. В. (Санкт-Петербург) Избыточные словарные варианты как продукт распада сложных предлогов.	109
Смольников С. Н. (Вологда) Антропонимия Устюжского края: к вопросу о формировании местных диалектов.	110
Цыцылкина Л. А. (Вологда) Из истории лексики плотницкого ремесла (на материале севернорусских памятников деловой письменности XVII—XVIII вв.).	112

І. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

И. А. Попов (Санкт-Петербург)

ВОЛОГОДСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В КРУГУ ДРУГИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА (1939—1945)

В 40-е годы Вологда сыграла важную роль в развертывании работы над Дialeктологическим атласом русского языка. Это стоит подчеркнуть, поскольку продолжалась война и значительная часть страны лежала в развалинах. Тем не менее вологодские диалектологи нашли в себе мужество и силы провести ряд мероприятий, которые способствовали объединению сил диалектологов для создания Дialeктологического атласа русского языка и вписали яркую страницу в историю русской диалектологии. Одним из таких мероприятий была знаменитая диалектологическая конференция в июле 1944 г. Некоторые ее участники (например, Ф. П. Филин) приезжали на заседания прямо с фронта.

В то время идея создания Атласа русского языка была актуальной и широко распространенной, о чем говорили многие ученые. Так, в предисловии к «Дialeктологическому сборнику» [вып. 1, с. 3] Ф. П. Филин писал: «Атлас осветит основные проблемы истории ... народных говоров. Материалы атласа будут представлять интерес для историков, этнографов, литературоведов, представителей других смежных дисциплин. Атлас русского языка будет состоять из сотен карт, отражающих границы распространения языковых явлений».

В информации о конференции отмечалось, что главными ее задачами было, во-первых, подведение итогов проделанной за годы Великой Отечественной войны работы по подготовке Атласа русского языка; во-вторых, выработка плана и новых организационных форм для развертывания этой работы в ближайшие годы в значительно более широких масштабах; в-третьих, пропаганда идей и методов лингвистической географии, начальные мероприятия по собиранию материала для составления пробных атласов отдельных областей, районов [Дialeктологический сборник, вып. 3, с. 91]. На конференции присутствовало более 50 исследователей, все они единодушно отмечали, что составление Атласа является национальной задачей русских ученых.

После вологодской диалектологической конференции в разных городах страны — Архангельске, Барнауле, Челябинске, Саратове, Ярославле и др. — активно действовали региональные диалектологические центры, в которых публиковались вопросники, а по ним велась собирательская работа. Значение вологодской диалектологической конференции 1944 года заключается в том, что она стимулировала новые шаги по развертыванию на широких просторах России работы по сбору материалов для Диалектологического атласа русского языка.

В настоящее время в Вологодском диалектологическом центре плодотворно развиваются научные идеи, сложившиеся в прошлом. Новый диалектологический коллектив успешно ведет работу в области лексикографии и лингвогеографии. Стоило бы, наверное, направить богатый опыт вологодских диалектологов и обширные словарные материалы на создание вологодского регионального лексического атласа, как это было уже сделано при создании Атласа говоров Подмосковья А. Ф. Войтенко и Лексического атласа Архангельской области Л. П. Комягиной.

Г. В. Судаков (Вологда)

В НАЧАЛЕ ПУТИ

(60 лет диалектологических исследования в ВГПИ)

17 декабря 1938 г. в ряд педвузов страны было направлено письмо — призыв Института языка и мышления им. Н. Я. Марра включиться в работу по подготовке Атласа русского языка. Получила такое письмо также кафедра языкознания и русского языка Вологодского пединститута им. В. М. Молотова.

1—5 февраля 1939 г. в Ленинграде прошла 2 диалектологическая конференция, на которой ВГПИ представляли заведующий кафедрой языкознания и русского языка В. М. Никитин и А. С. Ягодинский. Последнему кафедрой было поручено изучение говоров.

В апреле 1939 г. в Вологодском пединституте был создан студенческий научный диалектологический кружок, в который вошли студенты-филологи и историки. В кружке стали активно готовиться к первой экспедиции. Подготовительная работа к экспедиции включала в себя реферирование теоретических работ, обучение фонетической транскрипции в варианте Б. А. Ларина, анализ диалектных текстов, опыты описания какого-либо говора, контрольные работы для заочников по заполнению

Вопросника для составления диалектологического атласа путем опроса хотя бы одного жителя сельской местности. Кружковцы выполняли и более серьезную работу, готовились к обработке диалектных материалов. Так, студентка II курса Зорина на заседании кружка сделала доклад «Диалектология и орфография».

6 июля и 14 августа 1939 г. в газете «Красный Север» появляются статьи А. С. Ягодинского «Об изучении говоров Вологодской области» и «Как собирать материалы народных говоров». К середине июля кафедра напечатала Вопросник для составления диалектологического атласа и обращение кафедры к жителям области. Тираж издания — 1200 экземпляров. Во второй половине июля 1939 г. состоялась первая экспедиция, которую возглавлял А. С. Ягодинский, в ней участвовали три студента: третьекурсница А. Е. Мезина и второкурсники А. В. Зубков и Г. А. Чеперегин. Экспедиция изучала говоры западного побережья озера Воже. Материалы экспедиции были переданы в кабинет русской диалектологии Института языка и мышления.

Создание в 1939 г. научного диалектологического кружка и проведение первой диалектологической экспедиции позволяют считать 1939 г. начальной датой диалектологических исследований в ВГПИ.

По мнению заведующего кабинетом русской диалектологии Института языка и мышления Ф. П. Филина, опубликованному в первом выпуске вологодского Диалектологического сборника [Вологда, 1941], в ту пору в стране заметно выделились четыре диалектологических коллектива: в Куйбышевском пединституте (проф. В. А. Малаховский), в Вологодском пединституте (А. С. Ягодинский), в Саратовском пединституте и в Ростовском пединституте.

Что было характерно для начального периода диалектологических исследований в ВГПИ? Широкое привлечение студентов, причем разных факультетов, для сбора и обработки диалектных данных; привлечение сельских жителей к диалектологической работе; большая просветительская работа в средствах массовой информации с самыми различными слоями общества. Кроме преподавателей и студентов, в сборе материалов участвовали начальник метеостанции из Чебсары А. Ф. Беляев, колхозник из Бабаевского района П. Ф. Плешанов, учителя В. К. Лебедев (Грязовецкий район), С. С. Тихомиров (Борисово-Судский район), Е. И. Корзникова (К-Городецкий район), Е. Фарунина (Вожегодский район), Носков и Федоров (Павинский район — на границе Вологодской и Костромской обл.), А. В. Великотной (Архангельская обл.), студент лесного техникума И. Г. Ломов из Тарноги.

В 1939—1940 учебном году был впервые проведен конкурс на лучшую научную студенческую работу, причем из 18 работ, представленных на конкурс, ровно половина — 9 работ — были посвящены диалектологии. Начали готовить первый диалектологический сборник, который был сдан в набор 26 июня 1940 г., а 14 декабря вышел в свет. В этом сборнике опубликовано 6 студенческих работ. Исследования студентов печатались и в следующих выпусках Диалектологического сборника.

Разнообразие методов работы с полевым материалом позволило в течение первого года собрать частичные данные по 30 районам области из 42, а также привлечь диалектный материал из Архангельской области. В целом же задача первого коллектива вологодских диалектологов была сформулирована так: изучение центральных севернорусских говоров (совместно с Архангельским пединститутом) и сбор на той же территории материалов для Атласа русского языка.

В апреле 1940 г. задача вологодских диалектологов усложнилась: им было поручено и составление Атласа центральных севернорусских говоров. В эту зону вошла территория Архангельской и Вологодской областей, а также часть Ярославской, Горьковской, Кировской областей и республики Коми.

Летом 1940 г. (июнь — август) в экспедициях побывало 17 человек, обследовано 117 населенных пунктов на территории Вологодской, Архангельской, Кировской и Горьковской областей.

Удивляет и скорость обработки собранных материалов: велась не только монографическая разработка диалектных данных, но началось и их картографирование. 7 марта 1941 г. в набор был сдан второй выпуск Диалектологического сборника. Как и первый, он вышел тиражом в 500 экземпляров и снова под грифом «Кафедра языкознания и русского языка ВГПИ», но только через полтора года после сдачи в набор — 24 октября 1942 г.: сказалось начало войны. Этот выпуск кроме статей содержал 11 диалектологических карт, что было техническим подвигом и для сотрудников типографии «Красный Север», где печатались в те годы книги и брошюры.

Еще до выхода второго выпуска неутомимый Александр Семенович Ягодинский подготовил третий выпуск Диалектологического сборника и даже сдал его 30 декабря 1941 г. в набор, но напечатать во время войны этот том не смогли. В 1946 г. книгу дополнили, и 3 июля 1946 г. она вышла из печати. Кроме кафедры, в выходных данных был указан Межобластной научный кабинет Атласа севернорусских говоров Цен-

тра. Дело в том, что Ягодинскому удалось добиться открытия такого кабинета в ВГПИ.

20—28 июля 1944 г. в Вологде произошло невероятное для условий войны событие — состоялась Вологодская диалектологическая конференция по севернорусским говорам. Вместе с тем это была III всесоюзная диалектологическая конференция (1938 г. — Ростов, 1939 г. — Ленинград, 1944 г. — Вологда). С неё началась череда вологодских конференций, которые проводились с разной периодичностью, но особенно регулярно — в семидесятых-девяностых годах. Третий выпуск Диалектологического сборника как раз и содержал отчет о проведенной конференции. Этот отчет был первоначально подготовлен отдельной книгой в двух выпусках, но вышло только приложение к 1 выпуску.

Конференция существенно расширила палитру диалектологических исследований в СССР. Так, майор Ф.П. Филин (для участия в конференции он был вызван из действующей армии) выступил на конференции с докладом «О языке Великой Отечественной войны» (опубликован в третьем выпуске сборника). Здесь содержались социолингвистические наблюдения над жаргоном военных лет и призыв обратить внимание на социальную стратификацию языка. О социальных диалектах говорила на конференции Е. А. Бахмутова. Другие новые проблемы, впервые прозвучавшие на вологодской конференции 1944 г., таковы: язык фольклора и диалекты (А. П. Евгеньева), русско-финские языковые связи (Д. В. Бубрих), уральские и сибирские говоры (Н. П. Гринкова, А. Л. Георгиевский), диалектизмы в художественной речи (С. А. Копорский). Б. А. Ларин представил на конференцию новую программу для собирания диалектных материалов.

Перед войной Всесоюзную диалектологическую комиссию возглавил академик Л. В. Щерба. Именно он и руководил вологодской конференцией, несмотря на серьезную болезнь. В рамках конференции он провел фонетический семинар (9 занятий), записи этого семинара готовились к печати, но не были опубликованы.

На конференции были представлены академические учреждения и 30 педагогических институтов. В ней участвовали 52 специалиста — практически весь цвет диалектологической науки того времени: доктора наук Д. В. Бубрих, Н. Т. Гринкова, П. Я. Черных, профессора В. И. Борковский, А. Л. Георгиевский, С. А. Копорский, Б. А. Ларин, А. А. Малаховский, кандидаты наук Е. А. Бахмутова, М. А. Генкель, А. П. Евгеньева, И. А. Елизаровский, А. М. Иорданский, В. Д. Левин, Е. П. Луппова, М. Д. Мальцев, Г. Г. Мельниченко, К. А. Немировская, А. В. Текучев, К. А. Тимофеев, Ф. П. Филин. Конференция отметила среди вузовских

коллективов лидеров диалектологической работы: Куйбышевский и Вологодский пединституты.

Конференция приняла чрезвычайно важное решение, существенно повлиявшее на развитие вузовской диалектологии: она обратилась в Правительство с предложением восстановить с 1944-45 учебного года самостоятельный курс русской диалектологии в педвузах в объеме 30—40 лекционных часов и 20 часов практических занятий в течение 2 и 3 семестров.

3 октября 1944 г. был издан совместный приказ Народного Комиссариата просвещения РСФСР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР «Об итогах научной диалектологической конференции по севернорусским говорам в г. Вологде». Итоги конференции были высоко оценены, кафедре выделили ставку профессора и 2 ставки ассистентов для диалектологического кабинета, 5 тыс. рублей на экспедицию, а для издания материалов — 250 кг бумаги, 300 листов картона и 100 м дерматина. Из общего курса «История языка с диалектологией» был выделен самостоятельный курс диалектологии: 30 часов лекций + 21 час практических занятий, введен зачет и экзамен по диалектологии.

Вологодская кафедра стала готовить к изданию четвертый выпуск Диалектологического сборника, но его выход так и не состоялся. Одной из причин этого стал перевод А. С. Ягодинского с 23 марта 1945 г на должность заместителя директора ВГПИ по учебно-научной работе. До 4 марта 1946 г. он ещё заведовал кафедрой, но далее такое совмещение оказалось невозможным. Диалектологическая работа в институте несколько затихла, резко сократилось число публикаций. Так продолжалось до приезда в Вологду молодого диалектолога Т. Г. Паникаровской.

Но ещё об А. С. Ягодинском — предтече вологодской диалектологической школы.

Александр Семенович Ягодинский прибыл в ВГПИ в ноябре 1938 г. в возрасте 43 лет. Он родился в Нижегородской губернии в семье священнослужителя. Вначале учился в духовном училище и семинарии, а затем в 1917 г. окончил известный Нежинский историко-филологический институт по словесному отделению. Вернулся в Нижегородскую губернию: работал в школе, в педтехникуме, заведовал УОНО, работал и в ГУБОНО, преподавал в Сорновском учительском институте.

В 1938 г. по семейным обстоятельствам попросил Министерство о переводе в Вологду, здесь у него родилось 3 детей, а два старших сына остались в Горьком, они уже учились в вузах. Один из них погибнет затем на войне. В Вологде А. С. Ягодинский был назначен старшим преподавателем кафедры языкознания и русского языка, а с 9 декабря

1944 г. — заведующим кафедрой. 28 июля 1945 г. ВАК присвоил ему звание доцента по кафедре русского языка, кандидатом наук он не был. Работая заместителем директора института, он продолжал оставаться заведующим Межобластным научным кабинетом Атласа русских народных говоров.

Неприятности для А. С. Ягодинского начались в конце 1947 г.: 13 декабря он получил строгий выговор за непартийное поведение в быту. 2 мая 1948 г., как квалифицировали бдительные «товарищи», он допустил политическую ошибку в выступлении на заседании комитета ВЛКСМ и получил второй строгий выговор. 27 июля 1948 г. Министерство освободило его от должности заместителя директора института. В ноябре 1948 г. он уже работает в Псковском пединституте заведующим кафедрой русского языка. Однако физические силы и нервная система Александра Семеновича оказались подорваны. Через три месяца он умер.

В Вологодском пединституте А. С. Ягодинского чтят и помнят до сих пор. Думаю, так будет всегда, пока в институте будут продолжаться диалектологические исследования. Нынешний диалектологический коллектив, возглавляемый Т. Г. Паникаровской и Л. Ю. Зориной, в конце 1998 года мысленно положил свой, особый венок на могилу А. С. Ягодинского: за многолетнюю работу по подготовке и изданию Словаря вологодских говоров коллектив получил первую, учрежденную в 1998 г. государственную премию Вологодской области по науке. Из 17 членов кафедры в конференции принимают участие 11 человек — это яркий показатель устойчивости вектора научных интересов кафедры.

А. В. Тихонова (Вологда)

ОБ АЛЕКСАНДРЕ СЕМЕНОВИЧЕ ЯГОДИНСКОМ

В годы Великой Отечественной войны я училась на факультете русского языка и литературы Вологодского государственного педагогического института им. В. М. Молотова. Прием в 1941 году был небольшим, и на всех четырех факультетах курсы на группы не делились.

Коллектив преподавателей, за редким исключением, отличался высокой квалификацией. Это относится и к сильно поредевшему (уход в Красную Армию) прежнему составу и к влившимся в него из городов, временно оккупированных врагом, а также из Ленинграда (эвакуация из него началась еще до блокады, с июля 1941 года).

Александр Семенович Ягодинский — преподаватель с довоенным вологодским стажем. Он заведовал кафедрой, вел курс современного русского языка и принимал — в составе комиссии — госэкзамены.

Александр Семенович отличался сдержанностью в проявлении эмоций, не стремился сделать короче дистанцию между собой и студентами, шутил редко. Никогда ничего не рассказывал о себе, не ссылаясь на собственный опыт, если не считать информации о диалектологических экспедициях студентов ВГПИ в довоенный период (предмета «Русская диалектология» мы не изучали).

Будучи приглашенным, в наших студенческих вечеринках не участвовал. Правда, когда гас электрический свет и аудитория погружалась во тьму (как правило, мы занимались со второй смены, так что на окна опускалась светомаскировка, которую разрешили «сорвать» лишь 30 апреля 1945 года), охотно слушал наше хоровое пение.

В день, назначенный для фотографирования (перед выпуском), шел расстроивший нас затяжной дождь; но Александр Семенович, к нашей великой радости, пришел, и теперь мы имеем возможность видеть на фотографии и его, с красивым лицом, обрамленным окладистой бородой, с умным, задумчивым взглядом.

Мы не знали, где жил Александр Семенович до Вологды, в каких учебных заведениях получал образование, профессию, но его эрудицию чувствовали, лекции старательно записывали, первоисточники конспектировали, над подготовкой сообщений, рефератов, докладов трудились с увлечением.

Весной 1943 года в институте была проведена первая за время войны студенческая научная конференция. Из 15 докладов, отмеченных благодарностями, пять были нашими. В приказе по институту от 24 апреля констатировалось, что докладчики «обнаружили хорошую подготовленность, серьезнос, добросовестное отношение к делу и способность к научно-исследовательской работе».

Нашими научными руководителями были доценты Александр Семенович Ягодинский и Виктор Семенович Башенский, впоследствии известный ленинградский писатель.

Стремление Александра Семеновича приобщить нас к «высокой науке» всегда чувствовалось и приносило плоды.

В июле 1944 года почти весь факультет был охвачен желанием прийти на проходившую в нашем городе научно-диалектологическую конференцию по севернорусским говорам, чтобы воочию увидеть и послушать академика Льва Владимировича Щербу (1880—1944) и других видных ученых.

Высокие деловые качества А. С. Ягодинского проявились и в том, что он добился ассигнований (за год до окончания войны) на возобновление диалектологических экспедиций, и в августе 1944 года первая группа студентов отправилась в отдаленные районы изучать местные говоры.

«После окончания третьего курса, — пишет заслуженный учитель школы РСФСР Валентина Ивановна Гостинщинова (в девичестве — Аминова), — нас на месяц направили в диалектологическую экспедицию в северные районы вологодской и Архангельскую область.

Мы с подругой выбрали Черевковский район Архангельской области, родину ее отца.

Триста километров мы прошагали пешком ... с рюкзаками за плечами от одного населенного пункта до другого; дважды переезжали на лодке через Северную Двину; по 30-40 километров шли по тайге, где не было не только ни одной деревни, но и встречных людей.

Собранный материал нужен был для научной работы. И правительство страны в трудное военное время выделило средства на эту экспедицию, заботясь о развитии науки».

...Для меня память об Александре Семеновиче особенно дорога: от него, члена ВКП(б) с 1925 года, я получила рекомендацию (одну из трех обязательных) для вступления в партию.

По его заданию несколько месяцев просматривала газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда» и накапливала, а потом, как умела, обобщала материал о неологизмах в русской речи, связанных с идущей войной.

В «Список» попали: «Святое Красное Знамя», «Наши войска проутюжили», «на плечах противника отряд ворвался», «к утру разведчики доставили «языка», «фашистская чума», «все эти фрицы и гансы» — и многие другие словосочетания и слова. Это был мой первый шаг к научной работе...

Весной и летом 1945 года шел интенсивный (начался он раньше) «отлив» научных и педагогических кадров из Вологды и области: одни возвращались в родные места, других «отзывали», чтобы направить (чаще всего с повышением в должности) в учебные заведения освобожденных территорий.

В ВГПИ оказалась вакантной должность заместителя директора по научно-учебной работе, и на нее пригласили (а точнее — назначили: возражать члену партии не полагалось) А. С. Ягодинского. От заведования кафедрой он был освобожден, а руководство кабинетами (диалектологическим и русского языка) за ним сохранялось.

Выбор был сделан правильно. За два-три года Александр Семенович сумел привлечь в институт новых преподавателей, проявил большую заботу о подготовке молодых кадров из выпускников ВГПИ. Благодаря его настойчивости только с нашего курса три человека были оставлены при кафедрах русского языка и литературы — для работы в кабинетах и одновременной подготовки к аспирантуре.

Состоялись направления и в школы областного центра, хотя в предварительном списке вакантных мест в Вологде не значилось. Педагогическая практика тогда проводилась только в городских школах, и институту важно было иметь собственную базу практики и в мужских, и в женских школах (с 1943 по 1954 год в семилетних и средних школах Вологды и Череповца обучение велось раздельно). Впоследствии такими базовыми стали школы № 10 и 13. Я получила направление в женскую среднюю школу № 3 г. Вологды.

Встречи и короткие разговоры с А. С. Ягодинским случались на собраниях, совещаниях, активах, лекциях и докладах для интеллигенции города. От самой последней встречи остался горький осадок. Шел 1946-47 учебный год. 1946 год оказался неурожайным. Надежды населения на отмену карточек на продовольственные и промышленные товары не оправдались. В это тяжелое для всех время ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений, в которых осуждались недостатки в идейно-политической работе и выдвигалось требование развернуть наступление на данном фронте.

Жертвой объявленного наступления и стал А. С. Ягодинский.

В середине января 1947 года в клубе КОР (ныне — ДКЖ) шла городская партийная конференция. Доклад сделал секретарь горкома партии В. Н. Дербинов (вскоре он стал первым секретарем обкома ВКП(б)). В разделе о науке и образовании приводились примеры, свидетельствующие, по мнению докладчика, о непонимании даже вузовскими работниками своей роли в воспитании молодежи.

А. С. Ягодинскому было поставлено в вину, что в научных трудах, в устных выступлениях (вероятно, темой их были богатство языка и словотворчество народа) он фиксирует внимание на таких неологизмах, как *дистрофик*, *доходяга* и др., и, таким образом, вместо формирования оптимизма, сеет уныние и неверие в свои силы.

Такого «удара» Александр Семенович не ожидал. По его просьбе, в конце заседания дали «слово для справки», суть которой сводилась к следующему: приведенные в докладе примеры — почти исключения; для А. С. Ягодинского они не характерны; основная часть иллюстратив-

ного материала в его выступлениях всегда имеет «положительную» окраску...

Но аудитория (кстати, среди делегатов, особенно мужчин, было немало истощенных людей) встретила это выступление недоброжелательно и в суть пояснений едва ли вникла. Александр Семенович был расстроен. Из здания мы вышли одновременно и несколько кварталов шли рядом, обсуждая случившееся. Вернее, говорил он, а я слушала и, как могла, сочувствовала...

После конференции в каждой партийной организации полагалось ее итоги обсуждать, а из критики делать выводы, что отражалось в соответствующем решении партийного собрания. Мне не известно, как все это происходило в ВГПИ. Могу лишь предполагать, зная настроение Александра Семеновича, что он продолжал доказывать свою правоту, отстаивая личное и профессиональное достоинство. Вместо того, чтобы (как это было тогда принято) согласиться с выводами горкома, поблагодарить за «справедливую критику» и пообещать «допущенные ошибки исправить»...

...Через год А. С. Ягодинскому пришлось покинуть и институт, и наш город.

Через несколько лет его не стало. Высокий, статный, А. С. Ягодинский производил впечатление человека крепкого, устойчивого, выносливого. Но так казалось... Новых испытаний, выпавших на его долю, сердце Александра Семеновича не выдержало. Но посеянное им «разумное, доброе, вечное», если судить даже только по выпуску 1945 года, ожидаемые «всходы» дало. Большая часть нашего курса работала в школах Вологодской области и других регионов страны долго и плодотворно. Почти у всех — знаки профессионального отличия (значки «Отличник народного образования» и др.); за военные годы — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.»; за мирное — медаль «Ветеран труда».

Оставленные в ВГПИ А. С. Ягодинским выпускники надежды его оправдали: прошли через аспирантуру в Ленинграде, вовремя и успешно защитили диссертации и стали учеными Нина Павловна Люлько (до замужества Гладная), доцент кафедры русского языка Ленинградского университета, Вера Алексеевна Тихомирова — научный сотрудник Института русского языка, где участвовала в создании Словаря современного русского языка.

Этот многотомный словарь занял почетное место в личной библиотеке, которую собрал, навсегда связав свою жизнь с Вологодой, единственный мужчина в нашем выпуске В. Т. Молчанов. Он и его семья

(мать, оказавшаяся в процессе эвакуации в нашем городе, и сестра-фронтовичка) не вернулись после войны в Гатчину Ленинградской области, где в 30-е годы был арестован как «враг народа» и затем расстрелян отец Владимира Тимофеевича, командир дивизии.

Бывший ленинградский студент, прошедший через бои и обморожение в Финской, ранения и госпитали в Отечественной войне, В. Т. Молчанов при поступлении на наш выпускной курс был, по существу, сформировавшимся человеком и педагогом. Покоряли его интеллигентность, эрудиция, безупречное литературное произношение, которое служило эталоном для нас, стремившихся преодолеть свое вологодское «оканье».

Распределили В. Т. Молчанова в мужскую среднюю школу № 1, где он быстро вписался в довольно сильный коллектив словесников и уже в 1947 г. подготовил очень хороший выпуск. Бывшие юноши из этих двух десятых классов и теперь, когда прошло уже несколько десятилетий, хранят о своем учителе благодарную память.

Нет оснований утверждать, что именно А. С. Ягодинский вызвал у четверокурсника В. Т. Молчанова особый интерес к лингвистике. Но этот интерес доцент А. С. Ягодинский вовремя заметил и на своих занятиях (спецкурс русского языка) создал условия для совершенствования и в родной речи, и в теории, предоставляя возможность выступать с докладами, участвовать в обсуждении творческих работ сокурсниц, отстаивать свою точку зрения. Все это укрепляло в недавнем офицере-фронтовике веру в свои силы и в возможность успеха в педагогической и научной деятельности.

А сколько их было — курсов, групп, выпускников у А. С. Ягодинского в годы работы в ВГПИ! От своего и их имени выражаю глубокую благодарность организаторам, участникам, гостям данной конференции за то, что вспомнили об А. С. Ягодинском, собрали по крупицам сведения о его жизни и научно-педагогической деятельности, увидели и оценили его вклад в развитие русской диалектологии и обозначили его место в организации научной работы не только в ВГПИ, но и в масштабах если не всей страны, то целого ее региона.

II. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

М. Т. Авдеева (Воронеж)

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕКСИКИ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Анализ состояния говора дает возможность выделить ряд факторов внутриязыкового и экстралингвистического свойства, которые способствуют стабильности или нестабильности диалектных явлений. Такие факторы заметны прежде всего на уровне фонетики и лексики. В докладе представлен анализ около 1200 лексем говора села Старо-Толучеево Богучарского района Воронежской области. Подавляющее число слов — существительные и глаголы (42,2% и 39% соответственно), имеющие широкий круг лексических и грамматических значений.

1. Большая или меньшая устойчивость имен существительных в значительной мере зависит от тех предметов и явлений, которые они обозначают. Так, наиболее устойчивую группу слов образует географическая лексика. Эта лексика, за некоторым исключением, находится в активном употреблении: *с'рок, ковба'ня, лу'ки, мочажи'на, ополо'нка, сарма', ти'рло, сти'гло* и др.

Село имеет заливные луга, и поэтому употребительными являются слова, обозначающие особенности рельефа низменных мест после схода воды (*засу'ха, сага', лима'н*), растительность в реках и озерах и по их берегам (*за'плав, куші'рь, лата'ття, лепеха', очере'т, різа'к, рогі'з*).

Распространенной и устойчивой является также лексика, обозначающая явления природы, небесные светила (*ві'хола, завірю'ха, зірни'чка, кострички', кри'га, кужелю'ка, кура', луна' (эхо), мжи'чка, чепі'га, ше'ршень* и др.).

То же можно сказать о словах, обозначающих различного рода части срубленного леса, кустарника (срубленного, сломенного) в зависимости от их назначения. Наименования *ла'та, ла'га, кро'ква, банти'на* — это обозначения реальных, актуальных при постройке крыши дома. Слова *хлуди'на, лози'на, герли'га, кійо'к* — это лексика, применяемая для понукания животных и некоторых других целей. *Воря'ка, шали'на, ключи'на* — наименования типов жердей.

Заемствованное из русского языка слово *жердь* употребляется недифференцированно.

Устойчивы наименования человека по его различным характеристикам (телосложению, занятиям, родственным отношениям — всего 43 слова, 12 из них — оценочные), представителей животного мира (33 слова).

Достаточно большую и устойчивую группу представляют отвлеченные существительные: *бе'шкет, оги'рка, погово'р, спіх (расто-ропність), шко'да...*

Таким образом, устойчивости имен существительных в говорах способствует, с одной стороны, актуальность тех предметов и явлений, которые они обозначают, с другой — отсутствие связей с предметным миром.

2. При анализе глаголов выяснилось, что почти все они соотносят называемый процесс с человеком. Из 411 зафиксированных глаголов только 25 обозначают процессы, не связанные с человеком, и 36 — процессы, касающиеся не только человека.

107 глаголов включают оценочные (в основном отрицательные) характеристики: *гу'заться, збря'нчить, опірі'цить, пащекува'ть, репетува'ть, шеле'пкаться* и т. п. Только в одном слове (*морсону'ть*) оценка передается с помощью суффикса, в остальных она заключается в лексическом значении. Именно дополнительное значение этих лексем делает их более устойчивыми в условиях параллельного существования «русской» и «украинской» лексики, а сознание некоторой исключительности «украинских» слов усиливает оценочный эффект. На наш взгляд, функционирование в экспрессивно-оценочной роли — одно из условий существования и дальнейшего развития диалектной лексики. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в исследуемом говоре, испытывающем активное влияние русского языка, некоторые слова, представленные в словаре украинского языка как нейтральные, приобретают оценочное значение, которого они раньше не имели.

Н. А. Волкова, С. П. Праведников (Курск)

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Сохранение народной языковой культуры всегда было одной из первостепенных задач русистики. В настоящее время этот вопрос при-

обрел особую актуальность в связи с возрождением духовного наследия России. Язык является важнейшим проявлением культуры народа. Как известно, знакомство с территориальным диалектом позволяет глубже понять историю русского языка, потому что говоры сохраняют древнейшие языковые особенности.

В течение ряда лет Курским государственным педагогическим университетом ведется планомерное обследование народных говоров, активно собирается диалектный материал, делаются записи спонтанной народной речи на магнитную пленку в целях сохранения живого диалектного языка, стремительно уходящего из современной жизни.

В КГПУ создана научно-исследовательская лаборатория по изучению курских говоров. Результатом деятельности лаборатории явилась фонохрестоматия Н. А. Волковой и С. П. Праведникова «Курские говоры» (Ч.1), опубликованная в 1999 году в Ruhr-Universität (Bochum) при поддержке гранта Volkswagen-Stiftung. Хрестоматия предназначена для специалистов в области русской диалектологии и разговорной речи, преподавателей, аспирантов и студентов. Звучащая хрестоматия включает в себя диалектные тексты, записанные в разных районах Курской области от информантов, являющихся типичными носителями местной диалектной речи. Фрагменты текстов, включенных в хрестоматию курских говоров, представляют живую спонтанную речь — преимущественно монологи на бытовые темы. Это обычно рассказы диалектоносителей о труде, досуге, о крестьянской жизни в прошлом, о буднях и праздниках, о различных событиях и случаях из жизни.

Первая часть фонохрестоматии снабжена компакт-диском, время звучания которого 74 минуты. Имеется также компьютерная версия записей. Орфографическая версия текстов, включенных в хрестоматию, опубликована в Интернете. Все это позволит исследователям работать с диалектными текстами при помощи компьютера, слышать голос информанта, неповторимое звучание его речи, оценить богатство диалектной интонации.

Все тексты сопровождаются комментариями, в которых отмечены наиболее яркие и типичные фонетические особенности говора того или иного района Курской области. В ряде случаев фиксируются морфологические, словообразовательные диалектные черты, а также особенности акцентуации. Хрестоматия сопровождается кратким словарем лексических и семантических диалектизмов. Издание фонохрестоматии стало, как представляется, толчком к развитию новых форм работы над диалектным материалом.

К ВОПРОСУ ОТИПОЛОГИИ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ КОСТРОМЫ И УНЖИ

1. «...Среди сплошной массы окающих говоров Костромской губернии довольно значительная территория занята также сплошным, довольно значительным по пространству, вкраплением чистого сильно акающего говора. Центром этого акающего оазиса является Чухломский уезд с прилегающими к нему: большей частью Солигаличского, небольшим северо-восточным углом Буйского и некоторой частью Кологривского уездов», — так в начале века писал известный костромской краевед Н. Н. Виноградов [1917, с. 2]. Статус акающего острова сохраняется до наших дней не только во временной, но и в пространственной перспективе.

2. Костромские островные говоры, расположенные на севере центральной части России, до сих пор исследованы в недостаточной мере. На карте МДК «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» 1915 г. они помечены цифрой 3, как и восточные подмосковные говоры, и признаны среднерусскими. Однако этот вывод базировался только на фактах безударного вокализма. Остальные области языковой системы, как принято считать, не отличаются или в небольшой степени отличаются от окружающих окающих говоров — основы переходных говоров.

История заселения острова до сих пор не выяснена. Наиболее обоснованной представляется гипотеза, выдвинутая членами МДК, — о заселении «черных волостей» в XVII веке после событий Смутного времени переселенцами из-под Москвы.

Как кажется, всестороннее изучение говоров Костромского акающего острова (КАО), в том числе и их лексики, начало которому было положено в трудах деятелей прошлого и — относительно недавно — в трудах Г. Г. Мельниченко, поможет прояснить типологию КАО.

3. Существует три типа языковых островов:

1) Острова, отделенные от основной области своего распространения политической границей и окруженные иноязычным большинством. Таковы, например, немецкие поселения на Неве и в Поволжье [Домашнев А. И., 1996; Жирмунский В. М., 1976]. В таких случаях обычно слабая связь с метрополией и в конце концов происходит «перекрытие» языка острова языком окружающего большинства.

2) Острова в условиях близкородственного соседства (генетически родственных языков). Примером их является русский говор села Пилипы-Боровские на Украине [Василенко Г. Л., 1977] и русские переселенческие говоры Одесской области [Баранник Л. Ф., 1969], говор переселенцев-белорусов в Чухломском районе Костромской области.

3) Диалекты одного и того же языка переселенческого типа, так называемые изолированные диалекты как в центре России, так и на территории позднего заселения. Именно такого типа говоры КАО. Классификация подобных говоров сопряжена с определенными трудностями [Баранникова Л. И., 1975; Кудряшова Р. И., 1998].

Костромской акающий говор принято называть уникальным в силу следующих причин:

- величины территории (не менее 10 тыс. кв. м) и протяженности границ с соседними акающими говорами;

- наличия яркого дифференциального признака — неразличения гласных в безударном положении (аканья) на всей территории бытования говоров КАО, обеспечивающего единство ареала и противопоставляющего его северновеликорусским говорам;

- на фоне внутреннего интегративного признака — аканья — разнообразия языкового ландшафта, наличия центра и периферии, своеобразных форм интерференции говоров и окружения, говоров и литературного языка, в результате чего, быть может, интенсивнее, чем в акающих говорах, происходит их мутация и сдвиг в сторону более западных говоров (владимирско-поволжских, восточных акающих среднерусских) на всех уровнях языковой системы, в том числе и лексическом. Исследования последних лет подтверждают это положение [Мельниченко Г. Г., 1974, Ганцовская Н. С., 1977, 1988, 1989].

Особого внимания требуют вопросы интерференции акающих и акающих говоров на пограничных, иногда очень широких территориях, которые все еще изучены не в полной мере. В этом плане актуально изучение лексики как континуума, движущегося во времени и пространстве. Изучение лексики как континуума должно прояснить решение лингвистических задач на синхронном срезе, а также подвести к решению вопросов глотто- и этногенеза.

СЛОВАРЬ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ КАК СОКРОВИЩНИЦА АРХАИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Словарь вологодских говоров (СВГ) издается на базе богатой карто-теки, составляемой с 1953 года по настоящее время. С 1983 по 1997 год под редакцией Т. Г. Паникаровской опубликовано 7 выпусков словаря общим объемом 76,5 уч.-изд. листа (словарные статьи на буквы **А — По**). VIII выпуск (словарные статьи на буквы **По — Пя**) объемом 12,4 уч.-изд. листа вышел в свет в 1999 г. под редакцией Л. Ю. Зориной и Т. Г. Паникаровской.

Авторский коллектив в составе Е. П. Андреевой, Г. А. Дружининой, Л. Ю. Зориной, Л. М. Козневой, О. И. Новоселовой, Т. Г. Овсянниковой, Т. Г. Паникаровской, Т. В. Парменовой и Е. Н. Шабровой готовит к опубликованию в 2000 году IX выпуск словаря (словарные статьи на буквы **Р — Сж**). В перспективе коллектив составителей словаря видит подготовку и издание словарных материалов до буквы **Я**, подготовку выпуска дополнений и издание в качестве приложения к СВГ Словаря П. А. Дилакторского.

На протяжении истекших десятилетий принципы составления СВГ кардинально не менялись, а лишь дорабатывались и детализировались. СВГ является словарем дифференциального типа и включает в себя диалектную лексику и фразеологию современных говоров Вологодской группы севернорусского наречия — говоров, распространенных на территории коренного заселения со стабильным русским населением. На этой территории русские говоры формировались в относительно раннее время, причем в отдалении от традиционных центров экономической и культурной жизни народа, в условиях значительной изоляции. Именно поэтому говоры сохраняют многочисленные архаические черты.

Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, наметим лишь некоторые направления наблюдений за этим чрезвычайно интересным материалом.

1. Богатый иллюстративный материал словаря представляет традиционный, старинный строй народной разговорной речи, фиксируя фонетические, морфологические и синтаксические особенности говоров края.

2. Записанные от людей, родившихся еще в прошлом веке, многочисленные факты словоупотребления демонстрируют особенности старинного уклада жизни, дают сведения о далекой старине, например:

на'долоба — невеста с каким-либо изъяном; *приплавуха* — невеста, которую родители привозили на сельский праздник; *подшесто'чник* — муж, перешедший после свадьбы на жительство в дом жены; *мясо* — *сахар!* — благопожелание хозяину, который режет скотину; *руно шер-сти!* — благопожелание стригущему овцу и т. д.

3. Словарь вологодских говоров включает в себя многочисленные слова, восходящие по происхождению к различным периодам формирования и существования диалекта, но сохраняющиеся в говорах, тогда как в литературном языке они или не были представлены вообще, или не закрепились, утратившись.

Так, многочисленные слова с корнем *дир-* сохраняют в вологодских говорах исконную фонетическую особенность — мягкий звук /д'/ . Общеславянское существительное *дира* является производным с помощью темы *-а* от глагола *дирати* 'драть'. Изменение *ди - ды*, закрепившееся в литературном языке, связано, вероятно, с поздними диалектными фонетическими колебаниями.

Подобная историко-лингвистическая информация аккумулируется при рассмотрении многочисленных слов вологодских диалектов, например: *домека'ть* 'понимать', *дуть* 'зажигать', *духмя'ный* 'ароматный', *има'ть* 'ловить', *квели'ть* 'расстраивать, доводить до слез', *нашело'мить* 'набить', *пре'тно* 'приторно', *притама'нный* 'законный, собственный', *приту'лье* 'укрытие', *свесть* 'сестра жены', *ссать* 'сосать' и мн. др.

В настоящее время необходимо тщательное описание подобных реликтовых слов, употребляемых в вологодских диалектах. Всестороннее изучение архаической диалектной лексики поможет по-новому осветить некоторые проблемы истории русского языка.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНГФ (грант — 99-004-17 а).

Т. В. Кириллова (Тверь)

ИЗУЧЕНИЕ ОСТАШКОВСКИХ ГОВОРОВ

Народные говоры на территории Тверской области не образуют структурно-лингвистического единства. Исторические условия предопределили существование всех основных диалектных группировок русского языка, одной из которых являются Селигеро-Торжковские

говоры, самые сложные и смешанные по своему характеру. В их состав входят и говоры Осташковского района. Пестрота их лингвистического ландшафта привлекала внимание многих исследователей на протяжении XIX—XX вв. В истории изучения осташковских говоров отражаются основные этапы развития науки о диалектах.

Ранний период (с начала XIX века) характеризовался любительским подходом к изучению диалектов, в которых корреспонденты искали экзотические, «любопытные» слова и фонетико-грамматические особенности. Такие сведения содержит «Ручной дорожник» тверского чиновника И. С. Глушкова [СПб., 1801, 1802], исследование Н. Я. Озерецковского «Путешествие на озеро Селигер» [СПб., 1817]. Лексические материалы (255 слов) напечатаны в «Трудах Общества любителей русской словесности» [Ч. XX. — М., 1820]. Все собранные в этот период материалы полностью вошли в «Опыт областного великорусского словаря» [1852] и в особенности — в «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» [1858]. В «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова [1862] впервые дана социальная характеристика осташковской лексики.

Во второй половине XIX века изучение народных говоров имело целенаправленный характер: под влиянием ранних представителей сравнительно-исторического языкознания язык рассматривался как продукт творчества народа, в котором отражена его культура. Народные говоры подвергались изучению по специальным анкетам-программам. Ответы на «Программу для составления местных этнографических описаний», изданную в 1848 году Отделением этнографии Русского географического общества, сохраняют большую ценность как первые указания на разнообразие особенностей народных говоров в лексике, фонетике и грамматике. С организацией Московской диалектологической комиссии (МДК) говор изучается как языковая единица, устанавливаются границы отдельных диалектных черт и диалектных группировок. В Трудах МДК получили отражение многие особенности осташковского говора.

Обследование народных говоров для создания «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) — целая эпоха в истории русской диалектологии. Показательно, что для создания первого опыта такого атласа была избрана территория Осташковского и соседних районов. В 1949 году был издан Лингвистический атлас района озера Селигер. Материалы научных экспедиций по изучению осташковских говоров, организатором которых был С. А. Копорский, получили глубокое иссле-

дование в его монографии «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» [Калинин, 1945].

Вторая половина XX века связана с развитием диалектной лексикографии и лингвистической географии. Диалектная лексика, собранная для ДАРЯ в Тверской области, вошла в региональный словарь «Опыт словаря говоров Калининской области» (авторы-составители: Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова). В настоящее время продолжается сбор и изучение осташковской лексики по программе Лингвистического атласа русских народных говоров (ЛА РНГ), разработанной словарным сектором ИЛИ РАН, а также ведется интенсивная работа по изучению осташковской лексики, возглавляемая профессором А. С. Гердом, для издания регионального словаря селигерского региона.

Таким образом, в изучении говоров Осташковского района достигнуты определенные результаты, их исследование продолжается не только на лексическом, но и на фонетико-морфологическом уровнях. В осташковских говорах происходят сложные и во многом противоречивые процессы глубокой перестройки диалектных систем, изучение которых — непростая, но актуальная задача.

Л. М. Кознева (Вологда)

ИСТОРИЯ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА *БЫТЬ* В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

При описании морфологических особенностей вологодских говоров в Диалектологическом сборнике, выпущенном под редакцией А. С. Ягодинского [Вологда, 1941], неоднократно отмечались специфические формы глагола *быть*: *е'сё*, *е'сётко*. Образования такого рода впервые были зафиксированы диалектологами прошлого века, представлены они и в Словаре русских народных говоров.

Словарь вологодских говоров включает в себя пять словарных статей с заголовочными словами *е'сека* и *е'секо*, *е'сетка* и *е'сетко*, *е'сю*, *е'сютка* и *е'сютко*, *е'ся*. Все они выступают в функции предиката в бытийных (экзистенциальных) предложениях, словарное толкование их значения — *есть*, *имеется*.

Не вызывает сомнения тот факт, что данные словообразовательные варианты появились в результате формальных преобразований настоящего времени глагола *быть*.

Как известно, «исходная» парадигма настоящего времени глагола *быть* разрушилась. В литературном языке и в говорах фиксируется обычно лишь словоформа 3 л. ед. ч. в значении всех лиц ед. и мн. ч. (словоформа 3 л. мн.ч. изредка употребляется в официальной, научной или архаизированной речи).

Структура анализируемых образований позволяет предположить, что утрате спряжения этого глагола в диалектной речи предшествовали процессы, сблизившие его парадигму с парадигмами других спряжений (первого и второго). Наличие флексий 1 и 2 спряжения (в 3 л. мн. ч.) отмечается диалектологами, изучавшими вологодские говоры, и у других нетематических глаголов. При этом устанавливалась единая основа *ес-*, к которой присоединялись окончания продуктивного типа спряжения.

Представленные в вологодских говорах лексемы *есетка* / *есетко* в таком случае соотносимы с формой 3 л. ед. ч. 1 спряжения, *есютка* / *есютко* — с формой 3 л. мн. ч. С этой же формой можно соотнести *есю* и *еся*, если допустить утрату конечного — *т* (что может быть представлено в вологодских говорах). Следует отметить, что форма *еся* встретилась в Кирилловском районе, на территории межзональных говоров северного наречия, а более распространенная *есю* — в говорах Вологодской группы (Влгд., Гряз., Межд., Сок., У-К.).

Утрата личных форм настоящего времени вспомогательного глагола и глагола существования *быть* приводит к тому, что сохраняются лишь словоформы 3 л. со значением *имеется, существует, наличествует*.

Включаясь в круг неизменяемых слов, эти словоформы могут осложняться формантом —*ка* / —*ко*, этимологически усилительной частицей, широко употребляющейся в говорах после неизменяемых слов (наречий, частиц, отрицания).

Вместе с тем возможно и иное объяснение генезиса этих форм, поскольку в тех же говорах представлены другие ряды словообразовательных вариантов с подобной структурой (*зде'се, зде'ся, зде'сека, зде'сяка, зде'сетко, зде'сятко, не'ту, не'тутко, не'тотко* и др.).

Вполне вероятно, что анализируемые образования восходят к форме 3 л. ед. ч. *есть*, которая подвергается упрощению конечного сочетания — *ст*. И с утратой словоизменения древняя словоформа переживает структурные изменения аналогического характера. При этом могли оказывать воздействие антонимичные образования *не'ту, не'тотка* / *не'тотко, не'тутко* и наречные лексемы на —*сь*/ —*се*/ —*ся* и их вторичные суффиксальные формы *здесьяка, здесетко* и под. Явление выравнивания образований по определенным типам — характерная диалектная черта.

«Исходная» словоформа первоначально могла осложняться вариантивными формантами *-е / -а / -у*, а затем появлялись вторичные суффиксальные образования *-тка / -тко, -ка- / -ко*, вначале, по-видимому, в определенных контекстах, требующих выделения бытийного предиката. Его неизменяемость приводит к тому, что ранее свободно употреблявшаяся частица превращается в словообразовательный формант.

Этот путь преобразования «исходной» формы представляется более реальным, о чем свидетельствует сосуществование в одном говоре *есю* и *есютко*, употребляющихся в одних и тех же контекстах, а также отсутствие в диалектном материале образований типа **есет, *есют*, наличие которых предполагает реконструкция парадигматических изменений.

Но независимо от того, каким путем шел процесс преобразования грамматических форм, можно констатировать, что утрата личных форм настоящего времени глагола *быть* переводит сохранившуюся словоформу / *ы* в другой грамматический класс слов, и этот перевод в говорах может оформляться аффиксально.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНГФ (грант — 99-004—17а).

Л. С. Коршунова (Арзамас)

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ГОВОРАХ ЮГА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (на примере ЛСГ со значением «ЕСТЬ, ПРИНИМАТЬ ПИЩУ»)

Русские народные говоры характеризуются исключительным богатством коннотативной, прежде всего эмоционально-экспрессивной лексики, что объясняется устной формой существования диалектов. Стремление народной речи к максимальной выразительности, образности, связанной с коммуникативной и прагматической ее функциями, приводит к созданию обширных синонимических рядов, члены которых отличаются наличием / отсутствием эмоционально-экспрессивной коннотации. При этом в говорах отмечается не только высокий процент экспрессивно окрашенной лексики, но и ее большая устойчивость по сравнению с нейтральной [см.: Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). — М.: Наука: 1979. — С. 81].

Передавая субъективное отношение говорящего к называемым явлениям, лексемы имеют статус уменьшительно-ласкательных, шуточных, иронических, неодобрительных, пренебрежительных, презрительных, грубых и т. д. (при преобладании лексики пейоративного характера). Анализ эмоционально-экспрессивной лексики чрезвычайно актуален, особенно в аспекте системного и функционально-системного подхода к изучению лексики диалектов (в рамках последнего рассматривается вся лексика в составе ЛСГ, а не только специфическая, диалектная).

В говорах юга Нижегородской области выделяется целый ряд групп, включающих коннотативные глаголы. Наиболее представленными среди них по количеству компонентов с наличием эмосем, экспрес-сем, аксиосем в лексическом значении оказываются глаголы говорения, физического воздействия на объект (гиперсема 'бить, ударять'), поведения (гиперсемы 'бездельничать', 'хулиганить', 'важничать', 'упрямить-ся'), еды, питья, сна, передвижения в пространстве и др.

В ЛСГ 'есть, принимать пищу' по материалам картотеки кафедры русского языка АГПИ им. А.П. Гайдара на данный момент насчитывается около 50 таких лексем, отличающихся оттенками понятийного значения и / или наличием-отсутствием коннотативных сем. Лишь некоторые единицы здесь выражают общее, недифференцированное значение 'есть': *наве'ртывать*, шутол. (Арз.); *охоба'чивать*, ирон. (Арз., Вач., Сосн.); *поро'ть*, груб. (Арз., Бут., Вач.); *троша'ть*, неодобр. (Арз.); *ухомя'кивать*, шутол. (Арз.) и др. Большинство глаголов конкретизирует этот процесс, в частности такими гипосемами, как:

1) 'много, с жадностью' — *бу'здать*, неодобр. (Арз., Вад., Шат.); *оплета'ть*, ирон. (Арз.); *полыска'ть*, неодобр. (Воскр.); *упи'сывать*, шутол. (Бут.); *ша'мать*, неодобр. (Вад.) и др.;

2) 'быстро' — *буздыря'ть*, пренебр. (Перев.); *жа'бать*, шутол.-ирон. (Перев., Шат.); *уплета'ть*, шутол. (Ард., Див., Поч.) и др.;

3) 'медленно' — *мя'влиять*, неодобр. (Арз.); *су'слить*, груб. (Арз.); *сусо'лить*, ирон. (Арз.); *цы'бать*, неодобр. (Серг.) и др.;

4) 'неаккуратно' — *жва'кать*, презр. (Бут., Шат.); *кома'кать*, груб. (Серг.); *мя'млить*, неодобр. (Арз.); *ша'вкать*, неодобр. (Арз.) и др.;

5) 'громко' — *жа'вкать*, презр. (Бут., Шат.); *чво'кать*, презр. (Арз., Возн.) и др.;

6) 'немного' — *цвы'ркать*, шутол. (Арз., Поч.); *цуля'кать*, ирон. (Выкс.) и др.

Показательно, что один и тот же по фонемному составу и структуре глагол в разных микросистемах имеет разное семное наполнение. Так, *навертывать* в говоре с. Котиха Арз. обозначает процесс «есть» в об-

щем, без конкретизации, а в говоре с. Каркалей Ард. — «есть много, с жадностью», причем в обеих микросистемах глагол имеет одну коннотацию — шутливое.

Характерная черта глагольных ЛСГ в говорах, в том числе и названной, — коннотативный синкретизм, проявляющийся в разном со-
вмещении экспресsem, эмосем и аксиосем, о чем свидетельствуют и
выше приведенные примеры.

Л. В. Маркина (Саранск)

**БЕССОЮЗНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
С ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ
В СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ**
(на материале русских говоров на территории современной
Республики Мордовии)

1. Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и диалекты — это область исключительно устного функционирования русской речи. Между тем схождения и расхождения синтаксиса устной литературной речи с диалектным синтаксисом в целом и бессоюзных сложных конструкций как господствующих в устной речи, в частности, в настоящее время не исследованы. Не изучено и имеющее специфические синтаксические особенности соотношение устных и письменных речевых форм, что предполагает сравнение диалектного синтаксиса с синтаксисом письменной речи.

2. Исследование семантики диалектных бессоюзных сложных конструкций основывается на признании существования синтаксической формы у бессоюзного сложного предложения, в которой осуществляется активизация смысловых отношений, заложенных в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций, существования бессоюзного сложного предложения как особой синтаксической единицы.

3. В описании бессоюзных сложных конструкций чрезвычайно важной представляется семантическая сторона, поскольку смысловые отношения между их частями опираются на конкретное лексическое наполнение этих частей. Существует настоятельная необходимость установить и описать тот лексико-семантический материал, на котором в современной диалектной речи возможна реализация тех или иных смысловых отношений в форме бессоюзного или сложного предложения.

4. Русские говоры на современной территории Республики Мордовии, послужившие материалом для исследования, относятся к говорам территории так называемого «позднего заселения». Это восточные среднерусские говоры. На севере и востоке они граничат с окающими говорами Нижегородской и Ульяновской областей, на западе соседствуют с южнорусскими говорами Рязанской области, на юге — со среднерусскими говорами Пензенской области. Изучение системы бессоюзных полипредикативных конструкций является первой попыткой изучения синтаксического строя этих говоров.

5. Одним из типов диалектных бессоюзных полипредикативных конструкций, интересных как с семантической, так и структурно-грамматической стороны, оказались перечислительные конструкции. В перечислительных конструкциях называются однородные события, происходящие одновременно или следующие друг за другом: *Возилки дельюф из бересъвых жэрздей / жэрзди пьсеретки скрепляют пьперчнь* (Суподеевка, Ардатовский район); *Пасеила капусту ранню / ана у миня взашла и большъ ни растет / зачичирила / мушка её фсю съзла* (Грачевники, Краснослободский район). При этом общая идея перечисления, как и в письменном литературном языке, может быть выражена вербально в виде обобщающей предикативной конструкции: *Бываль тестъ нъкатат / нарежыт / зьтируху свариш, дъ как скуснъ* (Енгальчево, Дубенский район).

Перечислительные отношения в диалектной речи регулярно выражаются именно бессоюзными конструкциями. Соединительно-перечислительные отношения могут быть выражены также и союзом *и*: *У них дедушкъ был песильник, и бабушкъ Матрѣнь песильницъ была* (Атемар, Лямбирский район); *Дъ дожжик тише толькъ курахтъцъ, и тучы курахтъцъ толькъ* (Пичеуры, Чамзинский район). Однако такой способ выражения данного вида смысловых отношений малопродуктивен.

Для выражения перечислительных отношений в форме бессоюзной полипредикативной конструкции в говорах важной оказывается жанровая характеристика устного текста — его монологичность. Подобный текст представляет собой стимулированный рассказ, длинную реплику, в которой наиболее адекватно реализуются данные смысловые отношения. В устно-бытовых диалогах они нерегулярны.

6. Яркой отличительной особенностью современной диалектной речи является функционирование в ней бессоюзных сложных конструкций, в которых перечислительная семантика совмещается с рядом других значений. По данным нашего материала в русских говорах на тер-

ритории Мордовии бытуют бессоюзные полипредикативные конструкции со следующими недифференцированными отношениями: перечислительно-сопоставительными, перечислительно-пояснительными, перечислительно-причинными, перечислительно-временными, перечислительно-следственно-временными, перечислительно-причинно-следственными, перечислительно-условно-результативными, перечислительно-целевыми, перечислительно-условно-причинными, перечислительно-условно-временными, перечислительно-определятельными, перечислительно-присоединительными: *Шаровник — этъ клеви́р / такая ростения красньй шапкѣй / вон у нас дажы тѣд горой растѣт* (Суподеевка, Ардатовский район); *Бываль корму ни хватат корови / таить зачнет / пойдеиш ф пойму подѣнки събиратъ нѣ остожсях* (Сосновое, Ардатовский), *Нарвѣиш полѣн падол гѣлавицѣ и нисѣиш дамой / патом нѣ крыльцѣ малотиш палкѣй гѣлавицы-тѣ / семя выбиваиш* (Шапкино, Краснослободский район).

Т. Г. Паникаровская (Вологда)

ВОЛОГОДСКАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

По замыслу составителей Словаря русских народных говоров [вып. 1 — 33. Л.— СПб., 1965—1999], в нем должно быть представлено по возможности все лексическое богатство русских диалектов XIX—XX вв. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, какое место в СРНГ занимает вологодская лексика, можно ли по СРНГ составить представление о вологодской лексике, о том, каков ее количественный состав и семантика, а также ареал в диалектах русского языка.

Мы сопоставили данные II (1966) и III (1968) выпусков СРНГ и I (1983) выпуска Словаря вологодских говоров (СВГ), содержащие материалы на букву Б. В СВГ включены слова, являющиеся принадлежностью Вологодской группы севернорусского наречия, а также характеризующие севернорусское наречие, северную и северо-восточную диалектные зоны, и слова, имеющие в отдельных случаях северо-западную локализацию.

По нашим подсчетам, во II и III выпусках СРНГ зафиксировано 9107 слов на букву Б. Из них слов с пометой «волог.» — 1189, что составляет 13% лексического состава. В СВГ на букву Б зафиксировано 478 слов. Такое расхождение объясняется прежде всего, по-видимому, тем, что

СРНГ имеет очень широкий круг источников, относящихся не только к XX, но и к XIX веку, в то время как в СВГ отражены лишь слова, собранные в процессе наблюдения над живой современной речью. Отметим и то, что диалектная лексика постепенно выходит из активного употребления, а потому, возможно, некоторые слова, зафиксированные как вологодские, в современных говорах уже активно не употребляются.

С точки зрения ареала бытования отраженную в СРНГ вологодскую лексику можно подразделить на локализованную на вологодской территории, и лексику, известную не только вологодским говорам. Так, в СРНГ только помету «волог.» имеют слова *бры'ня*, *бросови'на*, *броки'*. Вторая группа — слова, которые, кроме пометы «волог.», в СРНГ имеют и другие территориальные пометы: *блекоту'ша* — волог., тверск., ярослав.; *бобы'лить* — волог., пск.; *блаже'нный* — арх., волог., влад., нижегород.

Сравнивая данные СРНГ и СВГ, мы обнаружили, что ряд слов, зафиксированных в СВГ, отсутствует в СРНГ (например, *блазь*, *блу'за*, *бо'вкнуть*) и, наоборот, слова, имеющие в СРНГ помету «волог.», не отражены в СВГ (например, *богата'ть*, *ба'бочки*, *багри'ть*, *бада'й*). Это, возможно, объясняется тем, что экспедициями, работавшими на территории Вологодской области, во-первых, охвачены не все районы, и, во-вторых, тем, что обследованные говоры изучены не всегда с достаточной обстоятельностью.

Можно выделить также группу слов, которые в СРНГ отмечены с другими пометами, не с пометой «волог.», однако, по данным СВГ, имеют те же значения и в вологодских говорах, например: *большево'дые*, *большичи'ть*, *бори'на*. Это свидетельствует о том, что говоры одного языка существуют во взаимодействии, а не являются закрытой системой.

Итак, в СРНГ вологодская лексика представлена достаточно полно. Большинство лексем с пометой «волог.» в СРНГ имеет то же значение, что и в современных вологодских говорах.

Нами отмечены также факты, когда в СРНГ то или иное вологодское слово толкуется как однозначное, а в СВГ оно зафиксировано как многозначное (*божа'тка*, *бо'йко*, *бо'лозе*, *боча'г*). Наоборот, в ряде случаев слово, имеющее в СРНГ помету «волог.», толкуется как многозначное (*боло'нь*, *божа'т*, *блекота'ть*, *болту'шка*), а в СВГ оно зафиксировано с одним значением.

Отсутствие в СВГ некоторых диалектных слов, зафиксированных в СРНГ, возможно, свидетельствует об изменении в XX веке лексическо-

го состава говоров, а именно — об утрате некоторых слов. Однако правомерно предполагать и то, что эти слова оказались вне поля зрения диалектологов-собираателей.

А. В. Петров (Архангельск)

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО АРМЕЙСКОГО ЖАРГОНА

Армейский жаргон является одним из социальных диалектов. Носители армейского жаргона — это (преимущественно) молодые люди, призванные на срочную военную службу. Жаргонизмы — лексемы и фразеологические единицы — употребляются военнослужащими какой-либо определенной воинской части, рода войск или вооруженных сил в целом.

Армейский жаргон тесно связан с молодежным сленгом и военным профессиональным жаргоном, подвержен воздействию уголовного аргю и в меньшей степени — говоров русского языка. Армейскому жаргону в полной мере присущи основные черты жаргона вообще: корпоративность, повышенная эмоциональность, экспрессивность, образное переосмысление общенародных слов.

С точки зрения тематической жаргонную лексику можно разделить условно на три большие группы:

1) лексика, называющая предметы и явления армейского быта: *пэ-ша, хэбэ, отбивка, хавать*;

2) лексика, называющая различные ступени «служебной иерархии» военнослужащих срочной службы: *салага, сынок, черпак, шинурок, старик, дембель*;

3) лексика, отражающая «неуставные» взаимоотношения военнослужащих: *пошиться, припухнуть, ветеранить, припахать*.

Интерес представляет вторая группа, которая составляет «стержень» специфичной лексики солдат и матросов срочной службы, своего рода «философию» носителей жаргона: за два (три) года службы солдат (матрос) проживает «целую жизнь» — от первых робких шагов и бесправной «молодости» до житейской мудрости и «глубокой старости».

Третья группа — самая продуктивная, так как именно «неуставные» взаимоотношения, к сожалению, составляют основу армейских отношений. Такие отношения больше всего «волнуют» носителей жаргона, и поэтому они наиболее детально и разнообразно прономинированы.

В армейском жаргоне выделяется большая группа фразеологизмов, связанных прежде всего с различными «обрядами», «ритуалами», занимающими важное место в армейской среде: *сто дней до приказа, дембельский поезд, фанеру к осмотру, перевод в черпаки*.

Армейские жаргонизмы могут классифицироваться подобно территориальным диалектизмам. При этом выделяются собственно лексические, лексико-словообразовательные, лексико-семантические, лексико-фонетические и лексико-морфологические жаргонизмы. Самая продуктивная группа — лексико-семантические жаргонизмы, в основе их образования лежит метафоризация (переосмысление) значений общеупотребительных слов, языковая игра: *дед, дух, котел, кусок, машка, чайник*. Широко распространены собственно лексические жаргонизмы (в основном имена существительные): *вахруша, зашивон, солобон, чама*; и лексико-словообразовательные жаргонизмы (основной способ — суффиксация): *краснотик, душара, караулка, дембельнутся*.

Армейский жаргон представляет значительный интерес для исследования, поскольку он изучен в меньшей степени по сравнению, например, со школьным, студенческим, уголовным жаргонами. Нами составлен и уже опробован вопросник для работы с информаторами — носителями армейского жаргона. В перспективе планируется создание словаря современного армейского и флотского жаргона.

Постижение языковых тайн армейских жаргонизмов поможет лучше понять психологию военнослужащих, а также разобраться в негативных армейских явлениях. Изучение армейского жаргона важно и для поиска путей решения социальных проблем как общества в целом, так и российской армии в частности.

Б. Н. Проценко (Ростов-на-Дону)

РУССКО-УКРАИНСКОЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ЮГА РОССИИ

1. Определением границы русского и украинского языков на юге России занимались руководители МДК, Р. И. Аванесов, донской диалектолог А. В. Миртов, отдельные замечания делали В. И. Даль, А. И. Соболевский, отмечавшие ее неустойчивость и расплывчатость. Такое свойство границы определяется историческими условиями формирования населения Подонья и Приазовья в XVI—XVIII вв. Относительно донской территории можно с уверенностью говорить как о почти

сплошном украиноязычном ареале на западе и юго-западе Ростовской области и многочисленных украинских анклавах внутри большой излучины Дона.

2. Донской говор с украиноязычной основой характеризуется рядом устойчивых фонетико-грамматических черт: прежде всего отсутствием системы парных по мягкости-твердости согласных, различием безударных *о* и *а*, гласным *и* на месте старого «ять», сохранением звательной формы, отсутствием —*т* во флексии 3-го л. и наличием флексии —*мо* в 1-м л. мн. ч. настоящего — будущего времени. Эти особенности характерны прежде всего для языка старшего поколения. В речи других возрастных групп уже значительна интерференция, представленная, в частности, аканьем. Некоторые языковые особенности украинского языка соответствуют донским диалектным чертам (замена *ф* на *х*, *хв* и *у* неслоговое, фрикативный заднеязычно-фарингальный *г*, мягкий —*ть* в настоящем — будущем времени глаголов, разрушение 3 склонения существительных и др., что приводит к появлению говора, языковая основа которого в настоящее время не поддается определению. Таковы говоры станиц Задонья — Кагальницкой, Егорлыкской, Хомутовской и др., заселенных в начале XIX века казаками верхнедонских станиц и крепостными украинцами, переведенными в казачье сословие. Любопытно, что отдельные украиноязычные вкрапления обнаруживаются в говорах, считающихся исконно казачьими (х. Вислый Константиновского района — и на месте *h*, отсутствие —*т* в глагольных формах, словарные украинизмы).

3. Более чем двухсотлетнее сосуществование казаков и украинцев отражалось не только в языке, но и в духовной культуре донского казачества, невзирая на известное сословно-отрицательное отношение последнего к приезжим. К фактам влияния этнической культуры украинцев на казачьи обряды и обычаи отнесем следующее

а) календарно-хозяйственный обряд «водить танки», воспроизводимый ежегодно в ст. Калитвенской на Красную Горку, «чтобы лен долгим рос», при совершенно иной семантике фразеологизма в других донских говорах: *водить танки* — ‘водить хороводы’ (ст. Обливская), ‘вести предосудительный образ жизни (о женщинах)’ (ст. Владимировская), ‘развлекаться на вечеринке вдов и незамужних казачек’ (ст. Мешковская);

б) «*поночѣвки*» как способ развлечения казачьей молодежи и один из фрагментов подготовки к брачной жизни (ст. Калитвенская, х. Мостовой Усть-Донецкого района), совершенно неизвестные и осуждаемые

при упоминании в так называемых чисто русских казачьих поселениях бывшего 2-го Донского округа и Верхнего Дона;

в) аналог украинских «парубочьих громад», проявляющийся как вседозволенность поведения казаков-новобранцев в последнюю неделю перед отправкой на действительную военную службу (х. Грачев Боковского района);

г) такие эпизоды, атрибуты и термины донской казачьей свадьбы, как свадебный каравай-«шишка» (традиционное для Дона свадебное деревце в некоторых говорах называют по-украински *гильце*), свадебные «быки» (соотносясь с украинской подкрашенной «горілкою», связанной с невинностью невесты, в донской свадьбе «быки» имеют иную символику, а украинский «след» отражается лишь в их использовании на второй день обряда), «антисвадьба» второго дня, отсутствующая в обряде многих станиц и в описании старинной казачьей свадьбы А. М. Листопадова, «чоп» как последний эпизод свадьбы, лишь недавно появившийся в обряде жителей некоторых казачьих станиц и хуторов, граничащих с украиноязычными поселениями.

4. Убедительным доказательством активного этноязыкового взаимодействия в русско-украинском пограничье Дона являются украинизмы донского словаря, до сих пор не выявленные полностью и не подвергнутые серьезному анализу. Общее знакомство с проблемой выявляет две группы украинизмов в донских говорах:

а) украинские словарные составляющие языка казаков так называемого «рыцарского» периода (XVI — начало XVIII в.в.) истории донского казачества (*дюже*, *гуторить* и под.) как свидетельство активного участия украинцев, запорожцев и севрюков в донском этногенезе (эти украинизмы не воспринимаются языковым сознанием казаков как иноязычные — столь близки были два языка в момент формирования населения Дона и Приазовья);

б) заимствования из украинского языка XVIII—XX веков (*парубок*, *мабуть*, *байдюже*, *гильце* и под.), попавшие в словарь уже сформировавшегося донского диалекта в результате контактов казаков с украинскими крепостными, которых во множестве переселяли на войсковые земли донские помещики (украинские анклавы).

5. Дальнейшая разработка обозначенной проблемы связана с этнолингвистической и лексикографической работой при акцентировании внимания на изучении украиноязычных территорий региона.

РУССКИЙ ОСТРОВНОЙ ГОВОР СТАРООБРЯДЦЕВ СЕЛА НИКОЛАЕВСК (ШТАТ АЛЯСКА, США)

Островные говоры, которые территориально находятся за пределами бывшего СССР (островные говоры таких государств, как Китай, США, Австралия, Канада, Бразилия и др.), и особенно те, которые закрепились на иноэтнической территории относительно недавно, в середине XX века, по целому ряду причин социально-политического, экономического, географического характера многие десятилетия были недоступны отечественному наблюдателю. При этом несомненно, что островные говоры на данных территориях нуждаются в неотложном многостороннем описании, так как в результате современных цивилизационных процессов резко возросли темпы и масштабы ассимилирующего воздействия языков окружения на эти диалектные островки.

Как известно, первые русские поселения в Северной Америке появились во второй половине XVIII века. С этого времени начинается региональное функционирование русского языка на американском континенте. В XX веке по различным причинам (социально-политическим, конфессиональным, национальным) активизировался приток в Америку русскоязычных иммигрантов, в том числе и старообрядцев.

Старообрядческое село Николаевск (Nikolaevsk) находится на юге Аляски, на полуострове Кенай. Николаевская община начала оформляться в конце 60-х годов XX века, отделившись от крупной общины старообрядцев в Орегоне. Орегонская община складывалась с середины 60-х годов нашего века из нескольких потоков староверов. Ее возникновению предшествовали события, определившие сложный путь миграции старообрядцев.

Накануне 1917 года большинство староверов, потомки которых в настоящее время живут в Николаевске, проживало на Дальнем Востоке. Революционные события вынудили их покинуть обжитые места и в начале 30-х годов обосноваться в Китае. Социально-политические события, происшедшие в стране пребывания в 40-50 годы, снова заставили старообрядцев переселиться сначала в Гонконг, затем, в конце 50-х годов, в Латинскую Америку, откуда в середине 60-х годов они стали приезжать в США, оседая преимущественно в Орегоне.

Говор жителей села Николаевск — старообрядцев часовенного согласия — является переселенческим островным говором. Его формирование и развитие происходило в инодиалектном и иноязычном окруже-

нии: с другими диалектными системами говор взаимодействовал на территории Сибири, Дальнего Востока и продолжает взаимодействовать в США; в миграционный период николаевский говор находился в окружении китайского, португальского, английского языков, контактировал с корейским и японским.

В настоящее время в Николаевске нет людей, родившихся в России, следовательно, языковой опыт основного населения Николаевска был накоплен за пределами исконных территорий, а языковые особенности складывались под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов. Отметим те из них, которые оказывают наиболее заметное влияние на языковую личность: семья, церковь, школа (образовательная система), языки миграции (через посредство работы, торгово-экономических отношений, средств массовой информации), в ограниченном объеме — современный русский литературный язык (университетское образование, дружеские контакты). Всестороннее воздействие на говор в каждом отдельном случае определяет его специфику, однако существуют и общие для островных говоров закономерности преобразований.

Жители Николаевска в период миграции и проживания в иноязычном окружении стремились к сохранению национальной специфики и старообрядческих традиций, что сказалось на основных характеристиках говора. Анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей островного николаевского говора позволяет отнести его к числу смешанных, то есть совмещающих в себе черты севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров, с явным преобладанием севернорусских черт, нередко имеющих общесибирский ареал распространения.

География миграционного пути старообрядческой общины, обосновавшейся в селе Николаевск, объясняет многие языковые особенности этого островного говора: очевидная общность с русскими говорами Пермской области, Сибири и Дальнего Востока; наличие прямых иноязычных заимствований китайского происхождения, отражающих этап поселения староверов в северных и северо-восточных районах Китая (слова *финтёза*, *лигмень* / *людьмень*, *чумиза*); заимствований португальского происхождения, отражающих этап пребывания старообрядцев в Бразилии (слова *мантега*, *шурашка*).

Наибольшее количество заимствований — из английского языка — приходится на последние несколько десятилетий, когда большая часть представителей этой общины осела в США. Активное заимствование английской лексики, влияние английского языка на другие уровни островного диалекта объясняется такими экстралингвистическими факто-

рами, как успешно развивающиеся торгово-экономические отношения; изменения в семейном укладе; образовательная система, ориентированная на язык страны пребывания; средства массовой информации; терпимое отношение духовенства к происходящим изменениям.

Анализ бытовой лексики говора старообрядцев села Николаевск позволяет утверждать, что лексическая система говора подвергается очевидной редукции за счет постепенной утраты молодым поколением лексем, обозначающих, в частности, наименования традиционных блюд и напитков старообрядческой кухни, некоторых видов одежды. В то же время происходит пополнение лексики говора за счет освоения заимствованных слов, обозначающих реалии современной жизни старообрядцев в условиях иноязычного и инокультурного окружения. Современное состояние говора позволяет прогнозировать его дальнейшую деформацию, если языковая ситуация не изменится и не будут предприняты специальные комплексные усилия по поддержанию языковых навыков у подрастающего поколения.

Стремление к консервации как типичная черта старообрядческой культуры, с одной стороны, и возрастающие с каждым годом ассимилятивные процессы — с другой, оказывают разновекторное влияние и создают весьма своеобразный, в определенном смысле уникальный, языковой портрет островного говора села Николаевск.

Л. П. Седлова (Вологда)

О СОЧЕТАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ АРГОТИЗМОВ (на материале французского языка)

Будучи частью общезыковой системы, арго активно использует нормативные способы словотворчества. Однако как особой подсистеме арго равным образом присущи и приемы, не имеющие аналогов в традиционном словообразовании. Для того чтобы кратко представить фрагмент общей панорамы специфических и традиционных приемов, практикуемых в арготворчестве, целесообразнее всего, на наш взгляд, обратиться к материалу французского арго городских окраин.

Динамика процессов варьирования языковых средств в данном социуме во многом обусловлена его пестрым демографическим составом и постоянным притоком новых франкоязычных иммигрантов.

Весьма показателен в этом отношении пример существительных, обозначающих расовую принадлежность. Так, для названия лиц африканского происхождения, одной из наиболее многочисленных групп иммигрантов, во французской разговорно-обиходной речи используются лексемы *Noir m*, *Africain m* и испанское заимствование *negre m*. Последнее, однако, редко употребляется по причине явно пейоративной коннотации.

Между тем в среде использующих аргю, по данным специальных словарей, насчитывается еще 18 вариантов наименований понятия 'африканец'. Таковы прежде всего *Reunoi m*, *Renous m*, образованные от исходного слова *Noir m* путем деформации по типу верлан, т. е. с помощью перестановки последнего и первого слогов.

Арготизмы *Cainfri m*, *Cainf' m* (с орфографическим вариантом *Kinfe*) представляют собой результат более сложных преобразований. Первый из них создан на основе усечения исходного слова по типу афрезы с последующей верланизацией аббревиатуры (*Africain* > *Fricain* > *Cainfri*), второй арготизм — результат усечения по типу апокопы первого (*Cainfri* > *Cainf'*). Наконец, устаревший испанизм *negre m* реанимирован в аргю в двух вариантах (*Negro m*, *Neg' m*) на основе традиционных способов словообразования: *Negro m* оформлен с помощью просторечного суффикса — *o*, арготизм *Neg' m* — усечением исходного слова по типу апокопы. Отметим попутно, что оба варианта используются выходцами из стран Африки и Антильских островов с явным оттенком самоиронии, легкой насмешки. Еще более ощутим комический эффект в метонимии *Blanche-neige f* 'белоснежка' и перифразе *bonhomme de couleur m* «цветной человечек», деформированной путем верланизации (*bonhomme de couleur* > *nombo de leurcou*).

Другую, не менее многочисленную группу арготизмов с указанным значением составляют заимствования. Так, англицизм *Black m* является по существу эвфемизмом разговорно-обиходного *Noir m*. По мнению лексикографов, *Black m* характеризует иммигранта черной расы «более политически корректно», поскольку акцентирует внимание на принадлежности к другой культуре, а не на различии по цвету кожи.

Процесс адаптации этой лексики в среде арготирующих идет настолько интенсивно, что *Black* уже приобрел четыре функционально-стилистических варианта. Первый из них *Blackos m* оформлен, казалось бы, традиционно — путем суффиксации, однако с использованием специального арготического форманта *-os*. Два следующих варианта представляют собой деформацию по типу верлан: *Black* > *Keubla*, *Blackos* >

Kosba. Последний вариант — аббревиатура верланизированной формы по модели апокопы: *Black* > *Keubla* > *Keub*.

Заимствованный из арабского арготизм *Khrel m* ‘чернокожий’ пополнился двумя новыми вариантами (*Kahlouche m*, *Kahrlouche m*), оформленными с помощью специфического для аргоссуффикса *-ouche*. Однако, в отличие от *Black m* и его вариантов, широко бытующих в речи всего многонационального населения городских окраин, приведенные арабизмы употребляются, главным образом, иммигрантами арабского происхождения. Еще более редко используется арготизм германского происхождения *Schwartz m* ввиду его резко пейоративной коннотации.

Как видно из примеров, в арсенале словообразовательных средств французского аргоснаблюдается, с одной стороны, сочетание деформации, особых арготических формантов, усечения (апокопа, афереза) и, с другой стороны — традиционные приемы: суффиксации, метонимического переноса, заимствований.

Леся Ставицкая (Киев)

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УКРАИНСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (в сопоставлении с русским)

1. Украинский и русский языки обнаруживают немало типологически сходных тенденций в системе и функционировании социальных диалектов. В частности, оба языка впитали в себя лексику криминального аргоса, интернациональной по своей природе субсистемы; имеется общий фонд профессиональных сленгизмов, лексики, характеризующей языковой облик отдельных социальных групп. Отмечая исторически закрепленный и динамический по своей лексико-семантической природе характер сленга как такового и молодежного в особенности, следует отметить, что молодежный сленг (МС) экспрессивно отражает особенности сленгового структурирования языковой картины мира, лингвоментальность отдельного народа, национальную специфику чувства юмора и т.п.

2. Языковое своеобразие МС определяется в первую очередь экстралингвистическими факторами, так как сленговые номинации отражают реалии, понятия, явления, персоналии, характерные для определенной лингвокультурной общности людей (страны, региона, города) в тот

или иной исторический период. Скажем, сленговое перифразирование наименований учебных заведений в России и Украине будет отличаться, а семантическое наполнение общих сленгизмов дифференцировано в соответствии с экстралингвистической реальностью: *кулек* — в русском МС — «кулинарное училище» и «училище культуры», в украинском — только «институт культуры».

3. Ономаσιологический аспект сленговых номинаций отражает национальную языковую картину мира. Например, в русских фразеологизмах, обозначающих «белые наркотики», фигурирует словосочетание *белый друг*, а в украинских — *белая гвардия* (название одноименного романа М. Булгакова, действие которого происходит в Киеве), *белое братство* (религиозная секта, деятельность которой получила политический и общественный резонанс прежде всего на Украине).

4. Лексическая система украинского МС отражает такую черту национальной ментальности, как негативное отношение ко всему, что связано с селом. Для украинцев как нации сельской показательна психология маргинала, пытающегося отмежеваться от этнически-территориальных корней и соответственно привнести негативную оценку в сленгизмы, так или иначе отражающие «негородской» (социально более низкий) социум. Так, если на почве русского МС лексема *бык* как вторичная номинация личности «выделяет» оценочные семы «богатство», «тупость», то лексически однотипная метафора в украинском МС базируется на периферийной семе «животное сельской местности»: *бик* — «здоровий неотесаний хлопець, переважно з села», *бичка* — «здорова неотесана сільська дівка», «село». «Сельскую» тему в украинском МС поддерживают сленгизмы *колгосп* — «погана нецікава компанія», *колгоспник* — «державна програма радіо».

5. Собственно лингвистические причины, обуславливающие национальное своеобразие МС, связаны с вариативностью этой категории лексики: естественная для сленгизмов индивидуальная формально-фонетическая эволюция в устной спонтанной речи мотивирует национально отмеченные деривационные модификации. Например: *водяра* — *водярик*, *поц* — *поцик*, *тусовка* — *тусування*, *тусня*, *розслабитися* — *розслабун*, *хрон* — *хронидло*, *бабки* — *бабло*, *бакси* — *баксюк* (доллар). Фонетические варианты находят отражение в национальных словарях МС: русский — *бэрик* (окурок), *бумер* (автомобиль ВВ), *фунфырик* (одеколон) — укр.: *беник*, *бімер*, *фанфурик*.

Внутрисистемные отношения в МС отражают национальное своеобразие сленгообразования: глагол *собачити* в украинском МС передает значение 'пить спиртное' и соответственно является мотиватором но-

минации *цуцик* (собачка) — ‘бутылка емкостью 0,25 л’, которая изо-функциональна общеизвестному просторечному слову *мерзавчик*.

А. Д. Черенкова (Воронеж)

ДЕЛИБЕРАТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Не касаясь сложных проблем определения статуса разговорной речи в русском языке, отметим, что разговорная речь функционирует в различных сферах общения и потому неоднородна в использовании языковых средств.

Материалом для данной работы послужили записи разговорной речи лиц с высшим образованием в обиходно-бытовом общении и в официальной обстановке, произведенные автором. Анализ словосочетаний *говорить о любви, думать о родине, беспокоиться о сестре* подтверждает их структурно-семантические различия в зависимости от сферы общения. В связи с этим мы выделяем две разновидности разговорной речи одних и тех же её носителей: обиходно-разговорную и официально — разговорную речь.

Сопоставление функционирования делиберативных сочетаний в обиходно-разговорной и официально-разговорной речи воронежцев позволяет определить ее общеупотребительные и региональные особенности.

Как в обиходно-разговорной, так и в официально-разговорной речи обнаруживается чрезвычайная активность словосочетаний с глаголом *говорить*. Частотность их настолько велика, что легко выделяются конструкции-клише, которые обслуживают определенные речевые ситуации в процессе общения:

а) при указании на полное согласие с собеседником (*Вот я о чем и говорю; Вот и я за то говорю; Вот я про это и говорила; Вот считается, насчет чего мы и говорим*);

б) при указании на тему речи (*Недавно передача была, говорили про бытовое обслуживание; А потом я ехала в троллейбусе и там говорили про гипноз про этот; Сейчас идут все и за нервы говорят*);

в) при уточнении темы речи (*Я про Валентину Ивановну говорю; Причем тут украинская, я про дарницкую говорю; Вер, ты про другую говоришь. Это такая высокая и белая*);

г) при стремлении узнать тему речи (*О чем я говорила, ты помнишь? Ну, о чем мы сейчас говорили только что? Кто поедет, Шаталова или Шмыкова? О ком вы говорите? Вы про картошку говорите?*).

Обоим типам речи свойственно функционирование делиберативного объекта в эллиптических конструкциях в тех же речевых ситуациях (*Я не про это; Ах, нет, я про облигации; А это не про нашего Николая Семеновича; Восемь человек собираются, а покупают 20 штук яиц. Это я про вас; Насчет меня вы?*)

Итак, интересующие нас словосочетания состоят из двух компонентов: главного, вербализованного или не вербализованного в речи, и зависимого, указывающего на предмет, тему речи. Приведенные примеры демонстрируют разнообразные формы выражения зависимого компонента (делиберативного объекта) в воронежской разговорной речи. Наибольшую распространенность среди них имеют формы **про + винит. падеж** и **о + предл. падеж**.

Общеизвестна стилистическая сниженность формы **про + винит. падеж**. Распространение ее объясняется территориальной близостью к Украине, где эта форма является нормой литературного языка. Форма **про + винит. падеж** очень активна во всех стилях русского литературного языка, кроме научного и официально-делового. В воронежской разговорной речи она является наиболее частотной. Большой активностью характеризуется и форма **о + предл. падеж** при выражении делиберативного объекта, что вполне естественно, так как эта форма является литературной нормой во всех стилях современного русского литературного языка.

В воронежской разговорной речи отмечаются многочисленные формы выражения делиберативного объекта, не свойственные литературному языку. Отклонения от нормы имеют двоякое происхождение. Одни из них имеют характер «органических изменений», другие «вызваны функциональными расстройствами». Первые составляют региональный аспект воронежской разговорной речи. К ним относятся просторечные и диалектные элементы. Из просторечия в разговорную речь проникает форма **насчет + родит. падеж** (*Это ты насчет меня говоришь?*). Несмотря на помету *разг.* в большинстве словарей русского языка, предлог **насчет**, особенно в делиберативных словосочетаниях, несет большой налет просторечности [Петрова З. П., 1965, с. 168]. Самая яркая диалектная форма, отмеченная в литературно-разговорной речи воронежцев, — это форма **за + винит. падеж**, которая употребительна как в обиходно-разговорной (*А потом мы поговорим за это; Что же вы за пятый пункт молчите? Я за физическую географию не*

знаю), так и в официально-разговорной речи (*За Ирину Александровну я ничего не могу сказать плохого*). Эта форма, по нашему предположению, имеет ограниченный ареал распространения — южные районы, близкие к Украине, каковой является Воронежская область, где русские диалекты находятся в состоянии постоянного контактирования с украинскими диалектами. В литературно-разговорную речь форма **за + винит. падеж** проникает по совершенно определенным причинам. В нашем материале она отмечена в речи только некоторых информантов. В прошлом это носители южнорусских говоров (выходцы из Воронежской, Курской, Калужской, Липецкой областей). Овладевая орфоэпическими, лексическими и морфологическими нормами литературного языка, носитель говора медленно усваивает его синтаксические нормы, так как различные отклонения от них не осознаются говорящими как диалектные.

Следующим источником пополнения арсенала средств выражения делиберативного объекта в речи воронежцев является официально-деловой стиль, из которого в разговорную речь проникает форма **по + дат. падеж**, получающая в последнее время достаточно заметное распространение, особенно в речи на производственные темы (*Ну, он там по таблицам что-нибудь говорил? Нет, я говорю по внедрению; Вот если говорить по отделу пищевой, то такая картина*). Активность ее понятна: с одной стороны, мы видим здесь разрушение предлогов **по поводу**, **по вопросу**, с другой — данная форма имеет поддержку в именных словосочетаниях, выражающих отношения, близкие к делиберативным, типа *семинар по международному положению, группа по разработке типовых норм труда* и т. д., имеющих большое распространение в языке деловых документов. В официально-деловом стиле, как мы полагаем, предлог **по** приобрел очень большую абстрактность, в связи с чем он получает широкий диапазон значений, в том числе и значение делиберативного объекта.

Формы **насчет + родит. падеж** и **по + дат. падеж** не являются принадлежностью только воронежской разговорной речи, по сути они являются общеупотребительными. Не имеют регионального характера и другого рода отклонения от литературной нормы. Это такие факты, которые объясняются, как уже было сказано выше, функциональными «расстройствами» протекания речи как психофизиологического процесса: в связи с неподготовленностью речи, спонтанным ее характером, с неожиданностью речевой ситуации в процессе общения (порождения речи) происходит смешение некоторых языковых форм (*Отметил положительные стороны, остановился о недостатках; Я понимаю об*

этом; *Это я говорила украинский хлеб; Неужели, Басаев, ты не понимаешь о том, что люди бегут из-за тебя*).

Попытаемся определить конкретные причины таких нарушений норм в каждом отдельном случае и классифицировать их:

1. Большую роль в появлении ненормативной предложно-падежной формы в подобного рода словосочетаниях играет смешение и взаимодействие значений управляющих глаголов, или явление так называемых совмещенных значений: *Вот я о том хотела уточнить (уточнить — узнать); Он остановился о выполнении плана (остановиться — сообщить)*.

2. Вторая причина, вызывающая нарушение нормы управления, заключается в изменении семантики управляющих глаголов: *И мы на это говорим, что у нас есть такие таблицы (отвечать); Почему я эти таблицы говорю? (приводить); Вот этот норматив численности, который я говорила (называть); О результатах внедрения республиканских норм выработки красноречиво показывает анализ роста производительности труда (говорить)*.

3. Важное место в появлении ненормативной предложно-падежной формы занимает совмещение значений зависимого компонента: *Я тоже не буду спорить за них*. В данном случае имеем факт совмещения значений делиберативного объекта (*о них*) и причины (*из-за них*).

4. В наших материалах отмечены факты сжатия конструкций со значением делиберативности, при котором происходит редукция зависимого компонента словосочетания: *Это вам на ФТЛ-2 говорю, минуточку (о нормах выработки на ФТЛ-2)*. В результате опущенного *о нормах выработки* создается видимость совершенно нехарактерной формы со значением делиберативного объекта при глаголе речи *говорить на что*, хотя в диалектной речи встречаются и такие.

Случаи ненормативной структуры словосочетаний встречаются в разговорной речи достаточно часто. В наших материалах на каждые 100 употреблений их приходится около 15.

Таким образом, разговорная речь в отношении функционирования делиберативных словосочетаний характеризуется рядом отдельных черт, не свойственных другим стилям русского литературного языка в его письменной форме:

а) активностью комплекса функций словосочетаний со значением делиберативности в зависимости от ситуаций. Словосочетаниям типа *говорить о чем* во всех стилях русского языка характерна функция указания на тему речи, в разговорной речи появляются и другие функции,

например, функция полного согласия или несогласия с собеседником, функция узнавания темы речи, функция уточнения темы речи;

б) нарушением законов формирования словосочетаний в связи со спонтанным характером разговорной речи и неподготовленностью речевой ситуации.

Е. Н. Шаброва (Вологда)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ НЕПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Изучение словообразовательного потенциала диалектных слов позволяет выявить региональную специфику словообразовательной системы языка. В данной работе рассматриваются словообразовательные особенности диалектных непроеводных глаголов. Материалом для анализа служат словообразовательные гнёзда, составленные по данным экспедиций в д. Борбушино Вологодской области (1997—1999 гг; работа проводилась по программе «Производные глаголы в русских говорах» (Вологда, 1998)). В результате наблюдений могут быть сделаны следующие выводы.

1. Большая часть диалектных непроеводных глаголов участвует в процессе словообразования. Эти глаголы являются вершинами словообразовательных гнёзд составом от 1 (*а'рандать* → *до-а'рандать*) до 26 производных (СГ с вершиной *пазга'ть*). Наряду с такими глаголами были выявлены изолированные непроеводные глаголы (*мая'кать* 'дремать' и др.)

2. Состав и структура отглагольных словообразовательных гнёзд с диалектными вершинами определяются теми же факторами, что и у гнёзд с общеязыковыми вершинами. К таким факторам относятся структурный тип основы производящего глагола (по количеству морфем и в зависимости от их комбинаторики), характер функционирования корневых морфем (сфера употребления, степень воспроизводимости, тип связанности), особенности семантики производящих глаголов. Отметим, что, как и в литературном языке, наиболее высоким словообразовательным потенциалом обладают непроеводные глаголы физического воздействия с двухморфемными основами: они являются вершинами гнёзд, имеющих до 3 ступеней производности, содержащих словообразовательные цепочки следующих типов: $V \rightarrow V_1 \rightarrow V_2 \rightarrow V_3$

(хря'стать → хря'ст-ну-ть → рас-хря'стнуть → расхря'ст-ыва-ть); $V \rightarrow V_1 \rightarrow V_2$ (скы'ркать → от-скы'ркать → отскы'рк-ива-ть); $V \rightarrow S_1 \rightarrow S_2$ (ла'чить → лак-у'н → лаку'[н 'j-a]); $V \rightarrow S$ (пазга'ть → па'зг-ань и др.). Однородность факторов, определяющих словообразовательный потенциал диалектных и общезыковых глаголов, свидетельствует о том, что в сфере глагольного словообразования литературного языка и говоров наблюдается больше сходных черт, чем различий.

3. Специфика отглагольных гнёзд с диалектными вершинами проявляется в следующем.

В структуре таких гнёзд отмечены производные, образованные с помощью аффиксов, утративших в литературном языке словообразовательную функцию (ху-ме'кать ← ме'кать).

В составе производных слов общезыковые словообразовательные аффиксы могут иметь словообразовательные значения, несвойственные им или неявно проявляющиеся в литературном языке (например, значение внезапного начала действия у префикса с-).

Отглагольные гнёзда с диалектными вершинами характеризуются многообразием формального варьирования основ как вершин гнёзд (бала'кать – баля'кать; му'млить – ма'млить), так и их производных (разбала'каться – разбаля'каться; му'мля – ма'мля). В связи с этим в словообразовательном гнезде выделяются словообразовательные блоки производных каждого из формальных вариантов.

В структуре гнёзд, образованных от диалектных глаголов, достаточно часто образуются экспрессивные суффиксальные производные (пазгану'ть → пазд-ы'к-нуть; ба'fj-a'-ть → баfj-a'-х-ать и др.).

Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что в словообразовательной системе исследуемого говора фиксируются более архаические, чем в литературном языке, словообразовательные связи слов, а также о том, что в этой системе ярче проявляются тенденции экспрессивного словообразования разговорной речи. Все это определённым образом свидетельствует в пользу ранее высказанного мнения о том, что особенности диалектного словообразования «в большей мере проявляются в способе реализации действующих в русском языке словообразовательных законов» [Е. М. Пантелеева, М. Н. Яценецкая, 1979].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНГФ (грант 99-04-004-17а).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДИАЛЕКТНОЙ МОРФОЛОГИИ

В современной лингвистике существует три основных направления в исследовании морфологии русского языка: формально-типологический, функционально-семантический и функционально-типологический. В исследованиях диалектной морфологии преобладает формально-типологический подход, при котором описываются и сопоставляются преимущественно формальное устройство морфологических парадигм, система словоизменения и ее морфологические средства.

Однако диалектные различия морфологического строя русского языка не сводятся только к различиям формальных средств словоизменения. Особого внимания заслуживает функциональная, номинативная и структурная неоднородность слов и словоформ одной части речи в литературном языке и говорах, политипологичность грамматического строя русского языка, наличие в нем нескольких эволюционных пластов. Все эти явления могут быть предметом функционально-типологического изучения диалектной морфологии. Такой подход предполагает использование методов естественной классификации, которая учитывает многомерность грамматических явлений, их включенность в сложную морфологическую систематику.

В современной теоретической морфологии выбор классификационных признаков связан с поисками инвариантов, то есть постоянных, неизменных оснований, на которых строится вся классификация. Существует три основных представления о классификационных инвариантах (КИ): 1) КИ — это эталон, абстрактный объект, универсальная модель описания класса реальных объектов; 2) КИ — свойство, функция класса единиц языка; 3) КИ — дискретно-структурированный элемент грамматического строя языка, субстанциональная единица определенного типа (словоформа, парадигма, лексема). К одному функционально-типологическому классу относятся единицы, обладающие тождественной системой разноаспектных интегральных признаков и тождественными парадигматическими и синтагматическими отношениями с другими единицами языка.

Так, например, данный подход можно применить при описании категории рода имен существительных, которая характеризуется семантическим, словообразовательным, морфологическим и синтаксическим разнообразием в говорах. Типологическая неоднородность категории

рода проявляется в том, что распределение существительных по родовым классам осуществляется на основе различных признаков и различной их группировки у разных типов слов. Предлагается три вида классификаций: морфолого-синтаксическая, ономаσιологическая, функционально-типологическая. Ниже приводятся основания функционально-типологической классификации.

Функционально-типологическая классификация одушевленных существительных по категории рода в русских народных говорах

№	Типы классификации по роду имен существительных	Морфологические формы рода	ЗОП*	Родовые корреляции		Морфологические варианты	Вариантные формы согласования	Дивергенты
I	Лексико-семантическая	м., ж., (ср.)	м	ж	м — ж	м./ ж. м./ср.		
					-			
II	Морфолого-синтаксическая	м., ж., (ср.)	-	-	-	м./ж./ср.		
III	Семантико-морфологическая	м., ж.	м	ж	м — ж			
IV	Семантико-синтаксическая (мутация)	ж., (м., ср.)	- /м	- /ж	-			+
					Контекстуальная: м — ж			
					Производные слова: м — ж			
V	Словообразовательная деривация)	м., ж., (ср.)	м/ -	ж	м — ж	Словообразовательные варианты		+
					-			

* ЗОП — значение отношения к полу.

III. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е. П. Андреева (Вологда)

ОНОМАТОПЫ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

В современном языкознании наблюдается интерес к явлениям фоносемантики: создана универсальная классификация звукоподражательных слов, описаны соответствующие модели, выявлены характерные признаки ономотопов. Факты диалектной речи свидетельствуют о богатстве, семантическом многообразии фонетически мотивированных слов. Как известно, звукоизобразительная система языка включает две подсистемы: а) звукоподражательную и б) звуко-символическую. В докладе рассматриваются только ономотопы первой группы.

Ядром ономотопов можно считать собственно звукоподражания (*рюх-рюх, нявг-нявг, бульк, бряк* и т.п.). На их базе образуются слова различной грамматической оформленности: глаголы (*рю'хатъ, ня'вгатъ, кректа'тъ, бу'лькатъ* и т. п.), существительные (*кло'ка, дребезж'уха, брякоту'шка, борку'н* и т. п.), прилагательные (*кыркова'тый, ля'ный*).

Вслед за С. С. Шляховой [Явления фоносемантики в некодифицированной речи городского населения // Лингвистическое краеведение. Пермь, 1991] ономотопы можно разделить на 3 группы: 1) слова примарной (фонетической) мотивированности; 2) слова с частичной утратой примарной мотивированности; 3) слова с секундарной мотивированностью, которые не отражают звуковой признак денотата непосредственно, а развивают значение примарно мотивированного слова.

К ономотопам первой группы относятся глаголы с общим значением 'издавать звук'. Лексическое значение (ЛЗ) этих слов отличается высокой степенью детализации: 'издавать гремящие, щелкающие звуки' — *бря'катъ, брякоти'тъ*, 'издавать монотонные звуки' — *бунча'тъ*, 'издавать чавкающие звуки' — *жу'лькатъ, зе'батъ*, 'издавать звон' — *бо'лкатъ* и т. д. Почти все указанные глаголы развивают переносные значения и функционируют в составе других ЛСГ. Эти глаголы связаны мотивационными отношениями с существительными, обозначающими предмет, издающий характерный звук (*дребезжу'ха, ворку'нчик, пику'лька, боркоту'шка* и т.п.). Непосредственной фонетической мотива-

цией обладают глаголы со значением 'издавать характерные звуки (о животных)': му'ркать, мырча'ть, ры'кать, ка'вкать, ня'вгать, му-ря'вкать, рю'хать, ви'кать, ке'ркать, клокта'ть, кокода'кать, кики-ре'кать, ку'кать и т. д. В наименовании животного нередко в качестве мотивировочного признака используются издаваемые им звуки: рю'шка 'свинья', ка'вка 'кошка', кво'хта, клы'ша, клохту'ха 'курица', крокоту'х 'петух' и т. п.

Далее выделим глаголы, которые обозначают различные рефлекторные движения, вызванные физическим или эмоциональным состоянием человека: 'кашлять' — до'хать, рю'хать, ня'вгать, кы'ркать, ка'вкать, 'икать' — клы'кать, клокта'ть, 'плакать' — вя'ньгать, пи'кать, зы'кать, ня'вгать, 'стонать' — ны'ргать, кау'чить, 'смеяться' — и'вкать, гы'кать, ря'вкать. В составе онома톱ов находятся и глаголы речи, в структуре ЛЗ которых важное место занимает сема 'характер звучания'. Данные глаголы обладают коннотативной окраской, используются для выражения эмоциональной и субъективной оценки речевого акта: брякота'ть, бала'кать, барабо'шить, би'лькать, бо'ркать, трёкать, щёлкать, бобота'ть, но'хрять.

К ономатопам второй группы относятся слова, которые обозначают различные физические действия, сопровождающиеся определенными звуками; сема 'звучание' является для них неосновной: 'скоблить, тереть' — кы'ркать, скря'бать, трат'ь, ша'ркать, шва'рить, 'поддавать пару в бане' — жва'ркать, бздава'ть, 'косить' — тю'пать, ша'ркать, 'доить' — чи'ркать. Фонетически мотивированными являются глаголы со значением 'нанести удар' — бухану'ть, бря'кнуть, жо'ргнуть. Звуковая структура слова позволяет уточнить характер удара: жёгнуть — 'резко ударить', ля'пать — 'ударить плашмя, чем-то мягким', мя'кнуть — 'ударить с силой'. Ряд глаголов движения отражает в структуре ЛЗ различные звуковые признаки денотата: рю'хать 'идти, проваливаясь в снег', плетю'хать 'медленно, с трудом идти', кулика'ть 'идти, шатаясь'.

К ономатопам третьей группы следует отнести слова, у которых сема 'звучание' не актуализируется, поскольку действие не сопровождается звуковым эффектом. Звукообраз при этом выражает интенсивность действия, его экспрессию: же'хнуть, жа'хнуть 'выпить залпом', на-би'лькаться, нате'нькаться, наку'лькаться 'напиться пьяным', от-пы'хнуть, отпы'шкаться 'отдышаться'.

Привлеченный материал свидетельствует о важной роли идеофонов в диалектной речи. Эти лексемы позволяют выявить древние звуковые образы, положенные в основу наименования. Многие идеофоны обла-

дают высокой экспрессией, их употребление делает народную речь яркой, выразительной. Ономато́пы в языке диалекта образуют своеобразную микросистему. Они легко развивают переносные значения, в результате образуются разветвленные связи между отдельными ЛСГ, складываются продуктивные словообразовательные и семантические модели. Фонетическая мотивированность функционально значима. Ее изучение позволяет более точно описать структуру ЛЗ, выявить мотивационные связи между отдельными группами ономато́пов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНГФ (грант 99-04-0004-17 а).

В. Г. Долгушев (Киров)

**МИФОЛОГЕМА И ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ В ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ
(на материале диалектных наименований лешего
в вятских говорах)**

Для народного мировоззрения характерна мифологизация, восприятие природы как живого организма, одухотворенной материи. Мифологизм мышления широко отражает народная речь, прежде всего говоры, изобилующие различного рода мифологической лексикой, эксплицирующей на языковом уровне различные мифологемы. Без учета мифологичности народного мирозерцания невозможно в полной мере исследовать традиционную народную культуру и отражение ее в языке. Мифологическая диалектная лексика не случайно привлекает внимание языковедов (см. работы Н. И. Толстого, В. Н. Топорова, О. А. Черепановой, В. П. Строговой, Л. Л. Терешинной, Е. Ю. Баловой и других исследователей).

Вятские говоры богаты демонологической лексикой, в которой можно выделить две группы:

1) трансформировавшиеся образы, христианские по своему происхождению: наименования черта — *ме́рек*, *мася́к*, *некошно́й*; названия водяного черта — *шулику́н*; наименования беса — *лысо́й*;

2) персонифицированные образы повелителей, распорядителей определенных сфер жизнедеятельности человека. Здесь широко представлены названия домового — *сусе́дко*, *сусе́душко*, *брата́нушко*, *сусу́й*, *алба́стый*, *батама́н*, *батама́нко*, *бота́мушко* (Кчп., Юрн., Свт.,

Кмн.), *бустурга'н*, *ко'канко*, *ко'ка* (Урж., Нлн., Бхлн., Снч.). Имеются в вятских говорах и диалектные названия водяного — *куля'ш*, *куле'ш*, *водяны'ш* (Урж.), русалки — *алба'ста*, *вихо'тница*; персонажа, обитающего в бане, — *ба'нник*, *ба'нный*, *апо'стол*, *ба'нная де'вка*, *ба'нница*; летающего огненного змея — *огневи'к*, *вожжа'нка*, *во'гленный* (Свт., Лбж., Пжн., Нлн., Млм.); духа, являющегося в виде вихря или пара в мороз, — *ве'треник* (Ктл.). Однако наиболее частотными являются диалектные наименования лешего, поскольку жизнь вятского крестьянина была очень тесно связана с лесом. Здесь можно выделить три группы наименований:

- 1) эвфемизмы: *он*, *некошно'й*, *ку'сь-дя'дя*, *дя'дюшка*, *дя'дя большо'й*, *дя'дюшка лесно'й*, *де'душко до'лгий*;
- 2) производные от корня *лес-*: *лесно'й*, *лесово'й*, *леша'к*, *ле'ман*;
- 3) лексемы, трудно поддающиеся этимологизации: *иса'к* (Нлн., Олр.); *алба'стый*, *ве'шаный*.

Взяв за основу классификацию, предложенную О. А. Черепановой [Мифологическая лексика русского Севера. — Л., 1983. — С.12], можно выделить следующие ДП, по которым данный персонаж противопоставлен остальным мифологическим персонажам: а) по степени ирреальности — дух, патронирующий определенную сферу; б) по функции: может быть носителем зла, например, может сбить человека с дороги, однако в целом в народном представлении это доброе существо; в) по сфере обитания — лес, времени появления — обычно ночь; г) по форме проявления своих действий: откликается эхом, «водит» человека; д) по внешнему виду: основным его признаком является неопределенность размеров (он может вырастать до вершин деревьев или уменьшаться до размеров травы, т. е. охватывает своим проявлением все виды растительности); е) по облику: зооморфный; ж) по характеру: любит свист, свистом можно его вызвать из леса; з) по отношению к персонажу: исходя из его важного значения для жизни крестьянина, он стремится его всячески расположить к себе, отсюда ласкательные его названия.

Исследование мифологической лексики имеет важное значение. Здесь соприкасаются диалектология и этнография. Мифологическая лексика вятских говоров не подвергалась тщательному исследованию, поэтому в дальнейшем исследование требует, во-первых, лингвогеографического анализа данного пласта диалектной лексики, а во-вторых — более тонкого проникновения в структуру семантики этих наименований.

НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Лексика, отражающая понятия материальной и духовной жизни народа, представляет огромный интерес в лингвистическом и историко-этнографическом аспектах. Лингво-этнографический подход позволяет более точно установить этимологию названий, что способствует выявлению особенностей и традиций культуры, быта изучаемого этноса.

Лексика, называющая одежду, в воронежских говорах богата и разнообразна. Она отражает культурные и языковые связи населения Воронежского края с жителями других регионов.

Воронежская область находится на стыке этнических массивов двух восточнославянских народов — русского и украинского. На юго-западе Воронежской губернии в процессе заселения сложилось смешанное, чересполосное и дисперсное расселение русских и украинцев; поселения их группировались компактно или представляли разрозненные вкрапления среди инонационального окружения. Естественно развивающиеся процессы этнокультурной интеграции между двумя родственными славянскими народами — характерная черта этнического развития населения губернии как части русско-украинского пограничья.

Крестьянская одежда населения Воронежской губернии представляет особый интерес из-за необыкновенного разнообразия ее типов, особенно — типов женской одежды.

Женский костюм в Воронежской губернии представлял собой «посвнный комплекс». Основу его составляет древняя поясная *понёва* и *рубаха*.

В воронежских деловых памятниках XVII века фиксируется слово *понёва* в значении 'верхняя юбка'. В современных воронежских говорах слово *понёва* имеет значение 'праздничная шерстяная юбка в клетку, отделанная внизу лентами, узором': *Панёву у пра'зник надява'ли. У маей мамы была панёва ф кле'тачкю, с уз'орачым па падо'лу, на взде'ржачки* (Б.Верейка, Рамонский район). В изучаемом крае зафиксировано несколько лексем, называющих этот тип одежды: *поня'ва, по'нька, понёва-белгоро'дка, понёва бра'тая, понёва жи'тная, понёва-де'ланка, понёва-ду'рочка, понёва-черногла'зка, понёва-синегла'зка, по'ня*. Воронежские *понёвы*, по мнению этнографов, были самыми красочными из *понёв* всех южнорусских губерний. По нижнему краю *понёвы* проходила вышитая или тканая полоса, называемая *окла'дом*. Узоры на *окладах* были

растительные или геометрические. По бокам надевались красочные полосы, которые украшались бисером, блёстками и назывались *подты шниками*.

В украинских селах (село Колыбелка) такую юбку называли *платта*. Кроме понёв носили *волося'нки*, *губ'ки*, *круги'* и др. Под верхние юбки надевали нижние юбки, которые назывались *подста'ва*, *подста'вка*, *подвязу'ха*, *подъю'бошник* и др.

Основой женского традиционного костюма в Воронежском крае является рубаша, состоящая из двух частей: верхней и нижней. Верхняя часть называлась *ста'ном*, *стани'ной*, *грудн'ой*, нижняя — *подста'вой*, *подста'вкой*, *подоло'м*. Основным материалом для рубахи служил конопляный (*зама'шный*) холст. Стан шили из более тонкого конопляного или из льняного (*алле'йного*, *алляно'го*) холста. Рубахи, сшитые из покупных хлопчатобумажных ниток, назывались *пони'тками*.

Важным и устойчивым этническим признаком, имевшим региональную локализацию, был крой рубахи. Основным типом рубахи на территории Воронежской губернии была рубаша с плечевыми вставками — *полика'ми*. Рубахи с поликами были трех видов: с прямыми поликами, прошитыми по *утку'*, с косыми поликами и с прямыми поликами, прошитыми по основе ткани. В Воронежской губернии в русских селах преобладали рубахи первых двух типов, а в украинских — третьего.

Кроме юбки и понёвы, в Воронежской губернии бытовал сарафан, причем в русских селах носили сарафаны, а в украинских — нет.

Лексика, называющая одежду, особенно подвержена экстралингвистическому влиянию, и поэтому с каждым годом в говорах ее становится все меньше. Следовательно, сбор и изучение любого пласта этой лексики, отражающей этнографические реалии, крайне важны и интересны.

Л. А. Климкова, И. В. Назарова (Арзамас)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕАКТУАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Система русских народных говоров, в том числе правобережных нижегородских, в конце XX века предстает значительно изменившейся даже по сравнению с ее состоянием в первой половине и середине нашего столетия, что выражается, в частности, в переходе диалектных явлений из центра системы говоров на ее периферию, предшествующем окончательному уходу их за пределы современной диалектной системы.

В лексической системе данный процесс переживают слова и их эквиваленты, утратившие или утрачивающие свою актуальность. Более того, на периферию диалектной лексической системы оказываются продвинутыми целые фрагменты тематических парадигм, прежде всего те, что связаны с отражением быта сельского населения.

При этом неактуальная диалектная лексика по-разному представлена в разных тематических парадигмах (ТП). Так, в ТП лексики природы (флоры, фауны, ландшафта, метеорологии) неактуальные регионализмы во многих случаях существуют на правах функционально-стилевых синонимов к общеупотребительным словам: диалектное в лексиконе и речи представителей старшего (или старшего и среднего) поколения носителей говора — общеупотребительное в речи представителей других возрастных групп. И, таким образом, диалектное слово в синонимической паре является архаизмом или приближается к таковому. Ср. в арзамасских микросистемах: *окид* — *иней*; *ботвинья*, *ботво* — *ботва*; *красные ягоды* — *земляника*; *палестина* — *поляна* и др., а также в иных ТП: *судомойка* — *мочалка*; *платное (мыло)* — *туалетное*; *поганое (мыло)* — *хозяйственное* и др.

В некоторых ТП многие другие сугубо диалектные неактуальные единицы являются своеобразными историзмами (или приближаются к ним). Особенно это касается той части лексической системы говоров, которая отражает материальную культуру сельского населения, кардинально изменившуюся в XX веке под влиянием социальных условий. Сюда входят тематические группы слов со значением одежды, домашней утвари, жилища, орудий труда, трудовых процессов и др. Показательна в этом отношении ТП «головные уборы», прежде всего — «женские головные уборы». В современных говорах Правобережья Нижегородской области эта парадигма представлена сравнительно немногими актуальными единицами общего характера, лишена семантической детализации. Самыми активными лексемами в микросистеме названных говоров являются наименования *платок* — *шаль* — *шалёнка* — *полушалок* — *косынка*. В отдельных же микросистемах активность проявляют другие единицы (например, *полушалик*, *полушалёчка*, *плат*, *косячок*, *шалина*, *шалёчка*), представляющие собой параллели к названным общим обозначениям, с забытой детализацией, с невыраженными семами-конкретизаторами.

Утрата лексемами актуальности сопряжена с забвением в их значении ряда гипосем, приводящим к активизации процесса семантической интеграции.

Своеобразным является не только положение устаревших наименований в ТП и во всей лексической системе говора (обособление, движение к периферии) и связанное с этим деление их на актуальные / неактуальные, но и сфера использования их (ретроспекции), характер лексического значения, семантическая структура, синтагматические связи.

На семантическом уровне особенность обозначений головных уборов, особенно не-платков, составляет неточность, приблизительность, гипотетичность значения, включающего семы *вроде, вроде бы, кажись, может (может, может)* и под. Типичны также при толковании значений подобных единиц отсылки к авторитету предков как очевидцев соответствующих реалий: *бабушка еще сказывала, мама носила, от прабабушки маме достался, стары люди знали* и т.п. Энциклопедическое значение таких слов в словаре, памяти носителей современных говоров даже старшего поколения является минимальным. Описание реалий сопровождается невербальными средствами, типа: *повязывали вот эдак, вот эдак насбаривали, вот так надёвался повойник-ат, как-то вот эдак он гляделся, моршень-ат*.

Неактуальность слова подчеркивается и такими семами, как *раньше, до нас, прежде, допрежь, ненонешны, не застали* и др. Это же качество лексем в названной ТП проявляют синтагматические связи в основном с глаголами несовершенного вида в форме прошедшего времени: *обязывали, повязывали, завязывали, развязывали, были, поддевали, надевали, одевали, ходили в ..., ходили без ..., носили, нашивали* и др., а также с устаревшими прилагательными типа *фаевый, козетуховый*.

Утрата диалектными лексемами актуальности и движение их к периферии лексической системы говора представляет собой процесс не единовременный, а длительный, постепенный, поэтому одни слова в ТП помнятся носителями говора лучше, при необходимости воспроизводятся быстрее, другие — хуже и медленнее, третьи — воспроизводятся с очень большим трудом и очень приблизительно, четвертые вовсе не вспоминаются. Все это приводит к трансформации диалектной системы, в частности — к ее дискретности.

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ОДЕЖДА» В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Проблемы номинации решаются в исследованиях О. И. Блиновой, В. К. Павела, А. Ф. Журавлева, А. А. Уфимцевой, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телии, Н. Д. Голева, И. С. Торопцева и др. В последние годы проблемы номинации решаются и на диалектном материале. Выявлению особенностей диалектной номинации посвящены кандидатские диссертации В. К. Андреева, И. В. Лебедевой, Л. Ф. Моисеевой и др.

Тематический подход к изучению словарного состава диалектов при выявлении семантики лексем предполагает установление связи между словами и обозначаемыми ими «кусочками» действительности, что, в свою очередь, способствует определению мотивировочных признаков у наименований с живой внутренней формой. Следующим этапом является формирование общих тенденций номинации, принципов и способов номинации в тематической группе. Изучение принципов номинации в рамках обширных объединений слов, выделяемых на основе общности денотативной функции наименований, дает возможность вскрыть мотивы называния «фрагментов действительности», выяснить один из способов формирования определенных тематических групп лексики [Блинова, 1972, с. 100].

Понятие 'принцип номинации' обобщает наиболее характерные признаки, по которым происходит наименование. Принцип номинации — это исходное положение, правило, основанное на обобщении мотивировочных признаков говорящим коллективом и служащее отправной базой для новых наименований [Блинова, 1972, с. 99].

В данной работе рассматриваются наименования сарафанов, женских рубаш и кофт. В качестве основного источника материала используются картотека СРНГ, данные различных региональных словарей, а также сведения, представленные в этнографических работах.

В каждой тематической группе имеются «излюбленные способы обозначения», и тематические группы отличаются этим друг от друга. Сравним две группы: названия сарафанов и названия женских рубаш. Наиболее распространенным мотивировочным признаком для названия сарафана является состав ткани, из которой он шьется (*до'стальник*, *глазе'тник*, *га'русник*, *кита'ечник*, *сати'новик*, *што'фник*). В тематической группе названий женских рубаш этот признак один из самых ред-

ких (*бума'жница, пони'тка*). Здесь самым распространенным признаком является мотивированность названий по особенностям покроя (*боро'чница, долгорука'вка, намы'шница, грибо'вница, проходни'ца, односта'н*). Названий сарафанов, в которых отражен данный мотивированный признак, в севернорусских говорах гораздо меньше (*ко'стыч, клинча'тник, кругля'к, троекли'нок*). В названиях рубах актуальным является и функциональный признак (*сеноко'сница, поко'сница, выбега'йка, наве'рхница, ва'лельница, испо'дка*). В названиях сарафанов этот признак не нашел отражения.

Принципы номинации выполняют своеобразную функцию ономазиологических моделей, на которые говорящие ориентируются при создании других наименований однородных предметов. «Употребительность того или иного способов называния зависит нередко от целого ряда факторов, в частности, от традиций называния» [Топоров, Трубачев, 1962, с. 214]. В разных тематических группах принципы номинации имеют свою специфику.

В процессе исследования установлено, что принципы номинации одежды в разных русских диалектах (арх., волог., олон., вят.) одни и те же: это номинация по признаку (цвет, особенность покроя, материал и др.) и по функции (назначение). Но набор лексических единиц, их состав неодинаков, обусловлен он следующими различиями: 1) в мотивировочных основах при совпадении мотивировочного признака: *проходни'ца, односта'н, исце'льница, пропускни'ца; гранату'рник и што'фник*; 2) в мотивировочном признаке: *поко'сница и наподо'льница, маре'дник и толсту'ха*; 3) в средствах номинации: *клинча'тник и троекли'нок, до'льни'к и до'льной сарафа'н*.

Таким образом, локальная окраска и специфика одной и той же тематической группы лексики в системе разных говоров русского языка достигается различными комбинациями многих компонентов: мотивировочных признаков, средств номинации, мотивационных основ.

Е. Б. Кузьмина (Псков)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕКСЕМЫ ОБАБОК

Лексема *обабок* в некоторых толковых словарях русского языка зафиксирована с пометой *обл.* в значении 'гриб подберезовик'. В этом же значении она широко распространена в русских народных говорах. В

некоторых говорах так еще называют подосиновик, сыроежку, реже — опенок, масленок. По данным СРНГ, существительное *обабок* употребляется и как общее наименование грибов в архангельских, вологодских, костромских, новгородских говорах. Известно оно в таком значении и в южных районах Псковской области.

Лексема *обабок* — единственная, которая употребляется как для общего наименования грибов, так и в качестве названия конкретных видов грибов (ср. *гриб, губа*, помимо общего наименования, могут обозначать только грибной нарост на стволе березы). Таким образом, в основе наименования, по-видимому, должен лежать универсальный признак, подходящий для обозначения различных видов грибов и грибов вообще. Попытаемся выявить этот признак.

По данным этимологических словарей М. Фасмера и Н. М. Шанского, слово *обабок* собственно русское, образовано суффиксально-префиксальным способом от слова *баба* в диалектном значении 'пень'. Однако ни в одном из диалектных словарей нам не удалось обнаружить эту лексему в значении 'пень'.

Слово *обабок* является непроеизводным с точки зрения синхронии, но членимым, поскольку в говорах зафиксированы однокоренные названия грибов с корнем *баб-*. По данным СРНГ, в говорах отмечена лексема *обабка* для обозначения различных видов грибов: подберезовика, масленка, черного гриба, опенка. В архангельских говорах всякий крупный съедобный гриб называют *обабней*. В говорах Приамурья зафиксирована лексема *обаб* в значениях 'гриб подосиновик' и 'гриб масленок'. В псковских говорах отмечено беспрефиксальное образование *бабки* в значении 'гриб подберезовик'. В смоленских и новгородских говорах словом *бабка* называют белый гриб.

При определении этимологии существительного *обабок* от слова *баба* в значении 'пень' М. Фасмер опирается на связь его с названием гриба *опенок*, подобным по морфологическому строению и значению, с образованным по тому же словообразовательному типу словом *обоконок* в значении 'ставень'. Таким образом, лексемы *обабок* и *опенок* являются дублетами, оба наименования имеют тождественную внутреннюю форму. Однако в связи с этим возникает вопрос, почему один из дублетов — *опенок* — употребляется по отношению к определенному виду грибов, а другой — *обабок* — может называть различные виды грибов, а также употребляется как общее наименование грибов.

В науке существует распространенная гипотеза о возникновении образований с корнем *баб-* в предметном значении от *баба* в значении 'старуха, бабка' в результате переноса. О. Н. Трубочев подвергает ее

сомнению. Но мы можем предположить, что слово *обабок* связано со словом *баба* и его производными в агентивном значении: в псковских говорах *обабком* называют старый гриб подберезовик, который быстро становится дряблым, раскисает во время дождя.

О. Н. Трубачев более склоняется к мнению о связи вторичных (предметных) значений с индоевропейскими звукокомплексами **bab*, **rap*, имевшими значения 'жидкая пища, каша', 'набухать', так как некоторые значения слов с корнем *баб-* трудно вывести из значения 'старуха, бабка' (например, украинское диалектное значение 'трясина'). Мы разделяем эту точку зрения, так как она позволяет объяснить употребление лексемы *обабок* как общего наименования. Корень *баб-* в слове *обабок* этимологически сходен с другими общими наименованиями грибов: *гриб*, *губа*, *блѣца*. Ср.: *гриб* имеет первоначальное значение 'то, что произрастает, пробивается из земли' или родственно со словом *горб*; *губа* имеет первоначальное значение 'выпуклость, шишка, нарост'; *блѣца* восходит к индоевропейскому корню со значением 'пухнуть, раздуваться'.

Однако вопрос о связи слов с корнем *баб-*, имеющим неагентивное значение, и слов с корнем *баб-* в агентивном значении остается недостаточно выясненным, как и вопрос об иерархии значений слова *обабок*.

И. В. Лебедева (Кострома)

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ

Изучение явления синонимии имеет длительную историю. Однако до сих пор остается спорным вопрос о критериях выделения синонимов. С одной стороны, лексические синонимы рассматриваются как слова, близкие (или сходные) по значению, различающиеся оттенками значения или экспрессивными и стилистическими особенностями (О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, А. И. Ефимов, А. Н. Гвоздев, В. А. Гречко, Ю. С. Сорокин, Ю. С. Степанов, А. Б. Шапиро, Д. Н. Шмелев и др.). С другой стороны, синонимами признаются лишь слова тождественные по значению (П. С. Александров, С. Г. Бережан, Э. М. Береговская, А. Д. Григорьева, В. М. Григорян, Л. И. Саркисова). Отличия между синонимами, по мнению сторонников такого понимания, имеются лишь в области стилистической отнесенности, эмоциональной окраски и ограниченности в употреблении.

Применительно к материалу литературного языка синонимы принято делить на 3 группы: а) смысловые, или «оттеночные» синонимы; б) экспрессивные синонимы; в) стилистические синонимы.

Но явление синонимии не ограничивается фактами только литературного языка и применительно к другому языковому материалу (в данном случае — диалектным наименованиям грибов) обнаруживает ряд специфических особенностей.

Синонимичными в нашем исследовании признаются те лексические единицы, которые имеют близкое лексическое значение, но отличаются эмоционально-экспрессивной окрашенностью, при условии, что они функционируют в одном говоре или близкородственных (т. е. имеющих совместные территориальные границы в пределах одного района) говорах.

В соответствии с этим вопрос о взаимодействии различных лексических единиц, обозначающих одну и ту же реалию, но принадлежащих, с одной стороны, частной диалектной системе, с другой стороны — лексической системе литературного языка, решается следующим образом. Если при столкновении в говоре диалектного слова со словом литературного языка в значениях слов и их употреблении не развиваются дополнительные оттенки, то такие наименования, входящие в состав разных функциональных систем, мы будем считать вариантами. Однако если литературное наименование развивает в частной диалектной системе дополнительные оттенки значения или отличается от диалектного соответствия дополнительной эмоционально-экспрессивно-оценочной окрашенностью, то оно, являясь уже принадлежностью лексической системы диалекта, может быть воспринято диалектоносителями в качестве синонима. Возможность появления в диалектных системах таких синонимов мы не отрицаем.

Отметим еще одну существенную для выявления синонимических отношений особенность диалектных наименований грибов. Она заключается в отсутствии смысловых синонимов. Если в говоре наименования грибов обнаруживают кажущуюся близость лексических значений, они все же отличаются семантически, так как обозначают разные реалии (например, наименования сыроежки: *краснушка* ‘сыроежка с красной шляпкой’, *желтушка* ‘сыроежка с желтой шляпкой’, *синявка* ‘сыроежка с синева-фиолетовой шляпкой’).

Невозможно выделить и стилистические синонимы, так как проблема стилистической дифференциации лексических единиц на диалектом уровне разработана слабо и нет четких критериев в отборе стилистически окрашенных диалектных слов.

В миконимической лексике, таким образом, синонимические оппозиции могут быть представлены лишь эмоционально-экспрессивными синонимами. Высокий процент экспрессивно окрашенной лексики поддерживается «элементами, продуктами аффектов и субъективизма говорящего».

Попытаемся выявить синонимические связи, устанавливаемые в наименованиях грибов, применительно к говорам Костромской области.

В говорах Нейского района наряду с нейтральным наименованием *дымовик* 'гриб-дождевик' употребляется его эмоционально-экспрессивный синоним *мышкина банька*. Существительное *банька* указывает на эмоционально воспринятую особенность реалии содержать споры в плодовом теле гриба и выпускать их наружу после созревания; прилагательное *мышкина* содержит указание на «несъедобность» гриба, негативно оцениваемую диалектоносителями.

Как показывает собранный нами материал, специфика синонимических отношений между наименованиями грибов заключается в том, что составляющие синонимическую пару слова могут отличаться друг от друга наличием (отсутствием) в их семантических структурах оценочного компонента.

Нередко литературное наименование оказывается усвоенным диалектоносителями какой-либо частной диалектной системы и начинает вступать в определенные связи с собственно диалектными единицами. Например, в говоре с.Кужбал Нейского района функционирует синонимическая пара *дождевик* (лит. яз. и диал.) — *баня* (диал.); в говорах Антроповского района представлен синонимический ряд *дождевик* (лит. яз. и диал.) — *волчий табак* (диал.); в нерехтских говорах зафиксировано употребление слов-синонимов *дождевик* (лит. яз. и диал.) — *фулька* (диал.); в пыщугских говорах отмечена синонимическая пара *валуй* (лит. яз. и диал.) — *быкан* (диал.) и т.п.

Закономерностью является устойчивость в говоре синонимических пар, включающих наряду с литературным словом слово диалектное, которое отличается эмоционально-экспрессивной яркостью и конкретностью лексических значений.

ИЗ ПСКОВСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рельеф как совокупность форм земной поверхности, различных по очертаниям, размерам, происхождению, складывается из *положительных форм*, образующих возвышение рельефа, и *отрицательных форм*, образующих понижение рельефа. Используются также термины *выпуклые, вогнутые формы рельефа* [3, 264].

Сфера положительных форм рельефа представлена в Программе ЛАРНГ следующими понятиями: *возвышенность, значительная возвышенность, небольшая возвышенность, возвышенное, покрытое лесом место, вершина возвышенности, склон, пологий склон, крутой склон, подножье возвышенности* [Программа... Ч. II, с. 34-35].

В лексической системе псковских говоров (по материалам полевых записей для ЛАРНГ) строение возвышенности представлено большим количеством наименований, что отражено в таблице:

Наименования частей возвышенности

Часть возвышенности	Неединичные наименования	Единичные наименования
Вершина	<i>верх, верхушка, вершина, вышка, вышина, гора, маковушка, макушка; верх горы</i>	<i>вершень, горбина, косогор, крутизна, маковка, холм</i>
Склон горы (о.н.)	<i>забор, завраг, косогор, отлог, склон, уклон</i>	<i>гора, грува, загорье, крюча, кряж, подгорье, скать, увал</i>
Отлогий склон	<i>склон; отлогая гора, отлогий скат, отлогий склон</i>	<i>заворец, издал, иском, косогор, крюча, кряж, отлог, увал, узвалок; большой склон, витой склон, склонный скат, склонный склон</i>
Крутой склон	<i>гребло, завал, забор, заворчик, завраг; крутая гора, крутой склон</i>	<i>берег, забор, креж, креж, крутик, круча, крюча, склон, уклон; крутой забор, крутой уклон</i>
Подножье	<i>подгорье, подошва, лошина; под горой</i>	<i>низ, основанье, поднизье, полог, понизовье; низ горы</i>

Для наименования названного семантического пространства в русских народных говорах очень активно используются словообразовательные средства [Вендина Т. И., 1998, с.52].

Но как видно из полного списка наименований частей горы, словообразовательная номинация не является ведущей для рассматриваемой группы ландшафтной лексики в псковских говорах.

При обозначении вершины подошвы и горы преимущественно используются лексические дериваты; при обозначении разновидностей склона возвышенности — синтаксические дериваты. Видовые названия склона (*пологий, крутой*) широко обозначаются составными наименованиями.

Н. И. Налетова (Псков)

РОЛЬ ФИТОНИМОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ (на материале псковских говоров)

Семантическая деривация — приобретение словом и/или словосочетанием сдвига в значении, идиоматика языка в широком смысле. В семантической деривации могут участвовать слова и словосочетания, входящие в состав разных тематических групп лексики, в том числе и фитонимы. В нашу задачу входит определение роли и степени участия фитонимов в данном языковом процессе.

Названия растений могут постепенно подвергаться различного рода семантическим преобразованиям в составе сравнительного оборота. В таком обороте любое наименование, реализуя свое прямое номинативное значение, приобретает еще и образную коннотацию: *Дефка тоненька, белая, как бярёска* (Печ.); *Малец он был высокий и красивый, што вербина* (Печ.). Функции подобных компаративных конструкций сводятся к описанию внешнего облика человека, его действий и поступков, то есть всего, что связано с человеком. Названия растений в них употребляются в прямом смысле, сдвига в значении не наблюдается. Семантика названия растения только обогащается образностью.

Однако компаративные конструкции бывают разными по степени стабильности сдвига в значении. В особом употреблении: *Павитуха как вьюн, трава такая привьюнца к травине, ни атарвёш* (Вл.), — свободное значение слова-фитонима ослабляется, хотя здесь *вьюн* — это ‘растение *Convolvulus arvensis*’. Слово *как* в этом случае не сравнитель-

ный союз, а сравнительная модальная частица, передающая нереальность. Предикативное сравнение приближается к развитию синтаксически обусловленного значения у слова; у фитонима в предикативном сравнении намечается сдвиг в значении. Путь к созданию синтаксически обусловленного значения может идти через компаративные конструкции: *валуй* как название соответствующего гриба — сравнительный оборот *как валуй* для характеристики, например, манеры сидеть у человека — *валуй* как отрицательная (бранная) характеристика человека или животного.

Образные свойства фитонимов реализуются при употреблении в качестве существительного с обстоятельственной функцией. О туче с разрывом скажут: *туча хмызом идёт* (Гд.) (*хмыз* — общее название кустарника). Фитонимы в такой синтаксической позиции приобретают образную коннотацию.

Название растения может входить в словосочетание, которое в результате переосмысления способно в ряде случаев фразеологизироваться: *с дуру как с дубу* 'о необдуманном, опрометчивом поступке'; *как горох при дороге (долине)* 'без опоры, без поддержки'. Фразеологизироваться может и сравнительное предложение: *как ёха наелся* 'обезумел, одурел'. У большинства фразеологических единиц с фитонимами обнаруживается мотивация их актуального значения, поскольку эти фразеологизмы образны, метафоричны, понятны носителям языка: *беленой объесться* 'обезуметь, одуреть'; *стрекива жегучая* 'о язвительном человеке'.

Своеобразен фразеологизм *ломать калину*. В обиходной речи он имеет значение 'любить', а в фольклорных текстах употребляется как название игры. В значении 'любить' выражение *ломать калину* фразеологизировалось, т. е. приобрело сдвиг в значении на основании метафоры. Как название игры сочетание слов *ломать калину* тоже фразеологизировалось, но трудно сказать, какого характера здесь сдвиг в значении: то ли метафорического (на основе сходства), то ли метонимического (по тексту песни, исполнявшейся в процессе игры).

Семантические преобразования могут затрагивать не только целые сочетания слов, но и отдельные слова. Так проявляется идиоматичность лексической системы.

Переносные значения у слов-фитонимов основываются на метафорическом и метонимическом образе, ср.: *гриб* 'низшее споровое растение, не содержащее хлорофилла, в виде шляпки, сидящей на ножке' — *гриб* 'старый человек', *гриб* 'мальчик-подросток' (появление переносных значений основано на метафоре); *гарбуз* 'тыква' — *гарбуз* 'каша из

тыквы' (в результате метонимии). Метафоризация и метонимизация отражают эстетическое восприятие мира носителями языка. Мир предстает образным, осязаемым, динамичным.

Идиоматический смысл может возникать и при употреблении фитонима в качестве обращения. При этом непосредственная связь с растением утрачивается, слово приобретает коннотативную надбавку, прежде всего эмоциональную окраску. Слова *цветок* и *ягодка* часто используются в речи диалектоносителей как обращения, которые имеют целью не только привлечь внимание собеседника, но и выразить расположение к нему говорящего лица: *Нада маечку к начи надеть, цвяток* (к ребенку) (Пуст.).

Итак, использование фитонимов в сравнительных оборотах, при метафорическом и метонимическом переносе способствует расширению изобразительных возможностей речи, обогащает лексико-синтаксическую систему языка. При характеристике человека или других реалий денотация и коннотация взаимодействуют в слове и/или словосочетании, связанных с названием растения. Использование фитонимов в семантической деривации отражает особенности общения человека с природой.

О. В. Никифорова (Арзамас)

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ НОМИНАЦИИ В ДИАЛЕКТЕ (на материале лексики свадебного обряда в говорах Нижегородской области)

Для разных тематических групп лексики характерны отличительные принципы номинации, которые Н. Д. Голев называет «излюбленными способами обозначения» [Голев Н. Д., 1978, с.65]. Действительно, семантическое своеобразие ряда лексических групп, в том числе и группы лексики свадебного обряда, проявляется прежде всего в особенностях их номинации: в закреплённости мотивировочных признаков за определенной группой, в использовании разных мотивировочных признаков для названия одного и того же предмета или одного мотивировочного признака для названия разных предметов и т.д.

Тематические группы лексики исследуются с точки зрения типовых закономерностей проявления принципов номинации, их общих и отличительных черт в определенных комплексах названий. Подобные наблюдения помогают вскрыть природу названий, установить типологию

мотивации и мотивированных наименований, а также выявить некоторые особенности становления и функционирования номинативных единиц в изучаемых говорах [Павел В. К., 1983, с. 94].

Наблюдения над принципами номинации в группе лексики свадебного обряда в говорах Нижегородской области показывают, что одной из особенностей, характеризующей лексико-семантическую систему диалекта, является богатство свадебных наименований, закрепленных за одним денотатом. Один и тот же предмет, явление или процесс обозначаются различными номинативными единицами, что вызывается разными причинами. Это обуславливается, в частности, разнообразием мотивировочных признаков, положенных в основу наименований. Так, в основе мотивации лексемы *баня* 'последний эпизод свадебного обряда' лежат два мотивировочных признака: название помещения, в котором происходит обряд, и один из элементов обрядового действия — наряду с угощением молодые в последний день свадьбы посещают баню.

Исходя из этого, мы отметили следующие случаи диалектного варьирования свадебных лексем в говорах Нижегородской области:

1) наличие номинативных вариантов, образованных при помощи одинаковой производящей основы и одинакового форманта, но обозначающих разные компоненты свадебного обряда (*сговорёнка* 'помолвка', *сговорёнка* 'просватанная за кого-либо девушка', *сговорёнка* 'свадебная обрядовая песня'; *заручёнка* 'соглашение между родителями жениха и невесты, сговор', *заручёнка* 'просватанная девушка');

2) наличие номинативных вариантов, созданных посредством различных словообразовательных формантов (*запой* — *запойка* — *запивка* — *запивание* — *пропой* — *пропой* 'празднество во время обряда предложения брака, сватовства'; *смотри* — *смотрины* — *смотренье* — *смотреньё* — *смотрелы* — *смотрушки* 'смотрины невесты');

3) наличие номинативных вариантов, имеющих в основе разнообразные мотивировочные признаки одного и того же предмета (*парневик*, *баяры*, *занавески*, *вечерка*, *ужин*, *поездины* 'гулянье молодежи в доме жениха накануне свадьбы').

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НАИМЕНОВАНИЯМИ ЛЕСА,
ВЫРОСШЕГО НА ПОЖАРИЩЕ**
(в связи с Лексическим атласом русских народных говоров)

В Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров вопрос Л 23 в разделе «Растительный мир» посвящен выявлению наименований, использующихся в различных регионах России для обозначения понятия 'лес, выросший на пожарище'. В качестве иллюстративного материала приводится только слово *гарь*.

Анализ ответов рабочей картотеки ЛА РНГ на данный вопрос позволяет сделать некоторый предварительный обзор.

В языке современных диалектоносителей необычайно широко представлен лексический параллелизм названий леса на выгоревшем месте: *гарь — лес — пожарник — займище — мелятник — огнище — бор — зелень — поросль — паль — садки — сухмель — сушняк — маречье — трущоба — ломь — новина — кустарник — хныжник — заросли — молодняк — сечь — чапыжник* (многочисленные варианты единицы здесь не приводятся). Небольшое количество из общего числа обозначений приходится на составные наименования (*выгарный лес, изгаревый лес, пожарный лес, лесное пожарище, горелая рубка, подлесок самосева*) и сложные слова (*новопоросль, сухоподстой, самородок, мелко-лесье*).

Об абсолютной полноте указанной группы говорить не приходится, поскольку из 364 регионов сведений по вопросу № 23 в комиссию ЛА РНГ пока не поступало. В целом ряде обследованных районов (их около 150) не обнаружено соответствующих наименований, что нередко связано с природно-географическими особенностями регионов (*У нас гарий нет — веть и леса-та нет*), а подчас — с недостаточной осведомленностью информантов (*У нас не горел, так я и не знаю* — Ленингр.).

Для номинации исследуемой реалии носители русских народных говоров нередко используют общее наименование — литературное слово *лес*. Подобный ответ приводится более чем в 40 пунктах, например: *Лес и лес, нет особого названия* (Костр.).

Широкие ареальные границы имеет лексема *гарь* и ее фонетические, словообразовательные, грамматические варианты: из 1064 пунктов она встречается в 193. Носители языка легко мотивируют появление у многозначного слова *гарь* (по данным СРНГ фиксируется 11 значений) значения 'лес на выгоревшем месте': *Вон у тетки на краю дивевни дом*

гарел, и на лес пашло патом. Весь паабгарел. А патом на другой гот фси равно дивевья выросли. Эта и есь гарь. Гарь патом как нормальный лес становица, где дивевья тока пирикошыныи (Москва).

Вариантность слова *гарь* особенно ярко представлена на словообразовательном уровне. Словообразовательные различия выражены аффиксально: а) с помощью суффиксов (*гарник — гарель — гарельник — горелиха — гарево — гарище*); б) префиксов (*выгарь — погарь — нагаре*); в) префиксов и суффиксов (*выгорок — огарки — погарелый — погорелка — погарник — погорельник — погорелье — на погорельи*).

Диапазон различий в фонетическом облике также весьма разнообразен: *гарель — горель, гарник — гарьник, горильник — гарельник, выгарь — выгорь, погарелье — погорельи*. Фиксируются по говорам и формальные варианты, отличающиеся грамматическими характеристиками, такими, как особенности в употреблении форм числа (*гари* — в отдельных говорах употребляется только во мн.ч.), наличие категории собирательности (*гарь — гарьё*).

В словарной картотеке ЛА РНГ в то же время немало слов со значением 'лес на выгоревшем месте', зафиксированных по одному разу, при очень слабом контексте или вовсе без него: *сечь, хнызник, чапыжник, сухмель, сухоподстой, займище*.

Однако представляется крайне важным не оставить без внимания эти уходящие из языка диалектные слова, необходима их перепроверка по обследованным районам.

Ю. А. Пантюхина (Орёл)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ДИАЛЕКТНОГО ГЛАГОЛА *НЕМОВАТЬ*

Речь — явление уникальное, именно она позволяет человеку быть включенным в коллектив, осуществлять взаимодействие, делиться своими мыслями, чувствами. Неспособность к речевому действию исключает человека из социума, из сообщества, делает его немым, т.е. «лишенным способности говорить».

В современном русском литературном языке глаголы с корнем *-нем*, передающие речевое действие человека, отсутствуют. Между тем в орловских говорах отмечен глагол *немовать*, имеющий в словаре шесть лексико-семантических вариантов. Все они содержат указание на процесс речи или его отсутствие. Корень *-нем-* определяет сходство семан-

тики всех шести вариантов. Однако каждый из них имеет дополнительные семы, что, во-первых, определяет наличие этих вариантов и позволяет глаголу называть разные явления, связанные с речевой деятельностью человека, а во-вторых, отражает оценку носителем говора человеческой речи, представление о том, какой она должна быть.

Первое значение слова *немовать* — 'не издавать звуков голосом, не владеть речью, молчать' — по классификации Л. М. Васильева может быть отнесено к лексико-семантической группе со значением молчания [Васильев Л. М., 1970, с. 256]. С точки зрения носителя говора, молчать — это плохо, ибо сельское общество — это микрогруппа, где все друг друга знают, общаются изо дня в день. Носитель говора воспринимает молчащего как увечного, больного, такой человек вызывает сожаление: *Он у них третий гот нямуть, што дельть* (Урицк.).

Второе значение слова — 'говорить невнятно (обычно о ребенке)' — характеризует внешнюю сторону устной речи, способность человека четко, правильно воспроизводить языковые единицы и строить из них высказывания. Невнятную речь понять затруднительно, и в каком-то смысле говорящий представляется немым, не владеющим нормальной речью.

Третье значение — 'молчать, уклоняясь от разговора' — говорит о нежелании человека вступать в речевой контакт, тем самым исключая себя из общества. Человек становится «немым» не по воле судьбы, а по собственному желанию, замыкаясь в себе. Выпадение из круга общения нарушает привычные установки жизни, поведение такого человека не вызывает одобрения.

Четвертое значение — 'не высказывать своих чувств, мыслей; молчать' — тоже обусловлено наличием корня *-нем-*. Человек становится «немым» из-за нежелания поделиться информацией, носителем которой он является: *Скольк ш можн нимаваць? Што ты вечн угрюмъй ходиш, прям как в рот вады набрал, ды пьгъвари ты с людъми* (Залег.). Русскому крестьянину в большой степени свойственны чувства соборности, единения с коллективом, потребность раскрытия своего внутреннего мира. Отсутствие этого желания расценивается как странное, неприемлемое.

Пятое значение — 'разговаривать с помощью особых знаков (о глухонемых)' — называет процесс взаимодействия людей, лишенных способности к речевому общению. Их мир ограничен узким кругом лиц, изъясняющихся при помощи знаков, глухонемых людей. И это тоже исключает их из привычного круга взаимодействия, так как они немые, не такие, как все.

Шестое значение — ‘говорить на другом языке, не по-русски’ — опосредованно связано с корнем *-нем-*, поскольку люди не лишены способности говорить, они включены в процесс речи. Однако для представителей русской нации они как бы немые, ибо речь их непонятна непривычна. Они — чужие, значит, выключенные из русского социума, не способные к речевому взаимодействию на русском языке.

Итак, немой, тот, кто *неумет*, — это для русского крестьянина *глухой, чужой, ребенок, один*. Человек, который *неумет*, — это тот, кто не способен к речевому действию по различным причинам: возрастным, психофизиологическим, личным, национальным. Все лексико-семантические варианты многозначного слова с корнем *-нем-* именуют процесс неполноценной речи или его отсутствие.

Л. В. Педченко (Харьков)

ПОНЯТИЕ «ОГОНЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале диалектной лексики)

Как показывают данные идеографических словарей и программ для сбора диалектной лексики, построенных по идеографическому принципу, место понятия «огонь» и его номинантов в языковой картине мира, присущей носителям русского языка, либо вообще не устанавливается, либо определяется исследователями весьма неоднозначно. В различных источниках понятие «огонь» помещают в разделы: «Материя. Нетворимый материальный мир», «Человек. Быт. Жилище. Освещение и обогрев», «Человек. Пять чувств. Температурные ощущения» и др. Такая неоднозначность, помимо разнообразных объективных и субъективных причин, обусловлена, на наш взгляд, практически полной неизученностью этого фрагмента лексической системы. Ведь известно, что путь к постижению сущности бытового понятия лежит в исследовании его лингвистической репрезентации, поскольку язык, особенно диалектная его форма, является, по определению Б. А. Серебренникова, выразителем «интуиций обыденного сознания». Информация об историческом опыте народа, об особенностях его восприятия мира выражается, как пишет Т. И. Вендина в работе «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования» [1998, с. 6], в первую очередь, в «этимологической памяти слова», в его внутренней форме, отражающей «конкретный способ мышления соответствующего объекта».

Осуществленный нами анализ 140 русских диалектных наименований огня показал, что большинство из них являются формально или содержательно мотивированными лексемами. Исследование узусальных («живых») и этимологических внутренних форм таких лексем позволило выявить широкий круг мотивировочных признаков, лежащих в основе номинации.

Выделенные мотивировочные признаки, отражающие различные реальные свойства огня и его восприятие носителями языка, могут быть объединены в две группы: собственные (квалификативные) и относительные (релятивные).

Первая группа включает признаки, характеризующие огонь с точки зрения цвета («красный»), звуковых проявлений («сопящий, шумящий»), качеств («светлый», «горячий»), состояния («горящий»), формы пламени («подобный лемеху») и формы приготовленного для горения или горящего топлива («возвышающийся»).

Вторую группу образуют функциональные признаки, указывающие на назначение огня, цели, в которых он используется («со/нагревающий», «освещающий», «дымящий», «зажигающий», «сжигающий, уничтожающий»), признаки, выражающие результат воздействия огня на предмет или лицо, не связанный с целенаправленным его использованием («обжигающий, вызывающий ожог», «испепеляющий, превращающий в пепел»), а также признаки «вздуваемый», «выкресанный», которые, отражая способы добывания огня, тем самым имплицитно указывают на *causa efficiens* (на действующую причину) огня.

Таким образом, для наименований огня в русских диалектах характерны два основных принципа номинации: номинация по признаку и номинация по функции. Однако если принять во внимание количественные характеристики — количество наименований и широту их распространения и функционирования в говорах, то роль признаков, представленных в обеих группах, окажется различной. Так, некоторые признаки (например, «красный», «выкресанный», «сопящий» «подобный лемеху» и некоторые другие) мотивируют единичные лексемы, иногда утрачивающиеся, распространенные на ограниченной территории — в определенной группе говоров или даже в отдельном говоре. Другие, напротив, характеризуют целые ряды лексем, имеющих различные производящие основы и функционирующих во многих диалектах. Такими признаками являются признак «согревающий», который характеризует многочисленные лексемы с основами *-тепл-*, *-жар-*, *-нал-*, признак «освещающий», мотивирующий номинации с основами *-свет-*, *-луч-*, *-зар-*,

и признак «сжигающий, уничтожающий», репрезентированный лексемами с основами *-пал-*, *-жег-/жог-/жаг-*.

Принцип номинации по функции, объединяющий большое количество лексем, бытующих на обширных территориях, является, таким образом, более продуктивным для наименований огня по сравнению с принципом номинации по признаку.

Преобладание функционального мотива номинации, указывающего на назначение-цель, на *causa finalis* обозначаемого (номината), характерно, по мнению В. Н. Топорова, для «вещного» пласта структуры мира [Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ, М., 1995, с. 16]. М. В. Никитин в работе «Основы лингвистической теории значения» [М., 1988, с. 57] также отмечает, что в классах артефактов (под артефактами понимаются все сознательные творения человека для удовлетворения его материальных и духовных потребностей) «структура понятия проста и строится по формуле: *такой, что служит такому-то назначению*». Поскольку номинации огня в русских говорах основаны преимущественно на функциональных мотивировочных признаках, можно предположить, что и обиходное понятие «огонь» строится по той же формуле и что, следовательно, огонь квалифицируется языковым сознанием диалектоносителей как вещь, артефакт, создаваемый и используемый человеком для достижения определенных целей.

Этот вывод, основанный на результатах ономазиологического исследования русских диалектных наименований огня, позволяет интерпретировать огонь как элемент материальной культуры человека, что, на наш взгляд, должно учитываться при составлении идеографических описаний лексического состава русского языка, если они базируются не на абстрактных логических схемах, не на субъективном языковом сознании или интуиции авторов, а претендуют на отражение воплощенной в языке объективной наивной картины мира.

Т. А. Пецкая (Псков)

НАЗВАНИЯ МАЛЫХ УКЛАДОК СНОПОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Способы укладки снопов различаются в зависимости от сельскохозяйственной культуры, количества снопов, формы (коническая или продолговатая). Особенно много названий для вертикальных укладок различных культур. Так, малую укладку снопов льна (5-10), составленных в

виде конуса для просушки, называют в вологодских говорах *бабкой*, из 10 снопов — *грудой*, *десяткой*. В новгородских говорах такую укладку называли *куколка*, *куклюшка*. Возможно, название связано с финским *kouhlo* ‘головки льна’. Прибалтийско-финское влияние отражается в названиях *килоса*, *килоска*, употребляющихся в новгородских и псковских говорах (*kuhlas* исходно означает ‘кладь хлеба в 10 снопов’).

Поскольку процесс выращивания и обработки льна имеет общие моменты с выращиванием и обработкой зерновых, то имеются и одинаковые названия укладок зерновых и льна. В псковских и новгородских говорах, русских говорах Карелии *бабка* — это малая укладка снопов ржи, ячменя, льна. В ярославских говорах *десяток* — 10 снопов льна и малая укладка снопов яровых. В русских говорах Карелии *груда* — это 10 снопов льна, *грудка* — укладка из 10 снопов ржи, овса; *попик* — укладка 4-5 снопов ярового хлеба и укладка 30 снопов льна в архангельских говорах.

Снопы льна обычно ставили попарно друг против друга и накрывали сверху снопами. В псковских говорах такая укладка называлась *толпой* или *толпухой*: *Лён в талпу ставили, далгая талпа*. Но *толпухой* называли и укладку льна в виде конуса.

Малая укладка зерновых нередко обозначалась существительными с корнем *стой-*: *стойка*, *стоечка*, *стоянка*. Ср.: *Десять снопоф ржы ставят, адиннаццѣтым накрывають, ета стойка*. Количество снопов в *стойке* чаще всего 11, но может колебаться от 4-5 до 25 в одном и том же районе.

Укладки служили и народной мерой, являлись средством измерения. В крестьянском хозяйстве знали, какое количество зерна, волокна можно получить из одной укладки. Ср.: *С одной стойки три пуда ржы получали*. Укладка сена — *мѣтка* — была рассчитана для корма скота в течение всей зимы.

Некоторые укладки непосредственно становились единицами измерения. Ср. примеры из псковских говоров: *Лён прадаём капной, писят снопоф — капна, дваццать пять — полкапны*. *Счѣт шльну была капна*. *Капна называли писят снопоф*. *Знали, сколька выходила с капны*.

Подобные единицы измерения были примерными, поскольку исходно *горсти*, из которых составлялся сноп, не могли быть у всех одинаковыми. Но *горсть* служила мерой для более крупной единицы — *снопа*, поэтому справедливо в Брянском и Деулинском словарях в определениях *горсти* содержится указание на единицу измерения. Ср. в Деулинском словаре: *горсть* — ‘единица измерения количества льна, конопля при уборке и обработке их на волокно’.

Количество снопов в укладках тоже очень разнилось даже в пределах одной и той же местности. Но укладки могли служить основой для более крупных связок льна, например: *Банки вязали в вязанцы: три банки вязали вместе.*

Довольно трудно учесть семантические разновидности в обозначениях укладок: не всегда понятно, идет ли речь о синонимических названиях или названия отражают различные типы укладок. Для определения необходимы хороший контекст, зарисовка.

Существует довольно обширная литература, посвященная изучению типов укладок и их весовому соотношению. В основном это исследования историков. Но, несмотря на историографическую традицию, вопрос остается недостаточно разработанным.

Сведения из писцовых книг, актовой документации позволяют более точно определить содержание той или иной наглядно-примерной единицы измерения, сопоставить с тем, что еще до сих пор хранят говоры.

М. А. Флягина (Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ (на материале ландшафтной лексики донских говоров)

1. Представляя собой сложную структуру, различающую стандартную (литературную) и диалектную разновидности, современный русский язык в любой территориальной точке обладает своей особенной системой. Эта «особость» системы проявляется на всех уровнях языка — от фонетики до синтаксиса, но особенно ярко заявляет о своей уникальности в области лексики. При всей видимой схожести лексических систем разных говоров (особенно соседних) каждая отдельно взятая диалектная система все же обладает присущими только ей чертами, содержит лексические единицы, которых нет ни в одной другой. Иными словами, при сопоставлении систем разных говоров всегда выделяются диалектные различия, являющиеся основой многообразия апеллятивов, обозначающих реалии окружающего мира.

Лексические диалектные различия могут быть выделены на базе семантической общности и материальной общности слова или корневой морфемы. Выделяемые на основе семантической общности диалектные

различия зависят от разницы в мотивах, положенных в основу номинации.

2. Мотивация есть свойство слова, позволяющее объяснить связь звучания и значения лексической единицы на основе соотнесения ее с языковой и неязыковой действительностью. Многообразие слов той или иной лексико-семантической группы объясняется, таким образом, многообразием мотивов, принятых за основу диалектоносителями при наименовании объектов действительности. Ярче всего этот факт проявляется при номинации природных объектов (ландшафтных в том числе).

3. Несмотря на то, что общее количество всех существующих мотивов сосчитать не представляется возможным, все же можно выделить некоторые наиболее распространенные принципы, положенные в основу мотивов номинации ландшафтных объектов.

4. Большое количество мотивов номинации оро-, гидро- и гумообъектов в своей основе имеют процессуальный принцип: 'выкапывание' — *ко'панка, ко'пань, копе'ц*; 'выдалбливание' — *колдуба'нь, колдо'бина, водоро'ина*; 'вымывание' — *промо'ина, промы'вина*; 'прохождение воздуха' — *проду'шлина, отду'шлина, отду'шина*; 'прорыв, провал' — *прора'н, про'рва, ровча'к, прова'лье*; 'течение' — *прото'ка, прото'чина, текли'на, водото'ка, исто'к*; 'прорубка, прорезка' — *про'ружь, прору'б, уре'зка, уру'б*; 'затопление' — *за'имище, зали'в, лима'н*; 'падение' — *пади'на, запади'на*; 'кручение, вращение' — *круже'лка, кру'ча*; 'сгибание' — *буго'р, вере'ть* и некоторые другие.

Многообразие мотивов, объединенных процессуальным признаком, объясняется многообразием процессов, носящих как антропогенный характер, так и (чаще всего) происходящих без участия человека, но активно влияющих на условия жизни и характер его деятельности.

5. В основе мотивов другого типа лежит качественный принцип, при котором в процессе номинации учитываются качественные характеристики реалемы. Этим принципом объединены следующие мотивы номинации: 'круговое вращение' — *коловёр'т, ко'ловертъ, коловоро'т, оборо'т*; 'остроконечность' — *шпиль*; 'издавание звука' — *бурчу'к, бучи'ло*; 'блеск' — *са'ло*; 'крутость' — *кругове'рть, крутоворо'т, крутоя'р, крутобе'рег*; 'вытянутость, протяженность' — *вытяжи'на*; 'корявость, шероховатость' — *каря'ж, шерёш*; 'влажность' — *мочежи'на, мочаги'*; 'соленость' — *солонча'к, солоне'ц, солотви'на*; 'оголенность' — *плеши'на, пропле'шина*; 'быстрота, стремительность' — *бы'стрик, быстри'нка, стремни'на*; 'топкость' — *стря'мка*.

6. При номинации природных объектов учитываются не только физические характеристики реалемы, важным оказывается также ее ме-

стоположение. Поэтому некоторые мотивы номинации основаны на локативном принципе: 'местоположение за пределами чего-либо' — *зако'сок, зату'пок, поте'клина*; 'местоположение между какими-либо объектами' — *осерёдок*; 'местоположение ниже уровня' — *ни'змень, низи'на, низо'вина*; 'местоположение выше уровня' — *верх, верхо'вье, верши'на*; 'местоположение близ какого-либо объекта' — *уре'чище, уго'рье, прило'г*; 'местоположение у края' — *окра'инец, окра'ина, ок-ра'йница*.

7. Одной из многочисленных по количеству мотивов номинации является группа, объединенная принципом предметности. Такая многочисленность объясняется многообразием ассоциаций, возникающих у диалектоносителей при назывании природных объектов. Перечислим только некоторые из огромного количества мотивов: 'копытоподобие' — *копы'тце, копы'то* (ямка с водой); 'котлообразность' — *котлова'нь, котлуба'нь, котлуба'жинка*; 'серпоподобие' — *отрог, рог, отро'жина*; 'подобие членов человеческого или животного тела' — *коле'но, взло'бок, голови'ще, гри'ва, зато'н-ше'я, хряц*; 'гребнеобразность' — *гре'бень*.

IV. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И ВРЕМЕННОЙ ПРОЕКЦИИ. ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

Е. Н. Варникова (Ярославль)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И ОНОМАСТИКА

Лингвогеография и ономастика, возникшие на стыках разных дисциплин, имеют много точек соприкосновения. Взаимосвязь этих наук определяется близостью их к диалектологии, ареальной лингвистике, этнографии, истории, географии.

Общая зона обнаруживается и в объектах исследования лингвогеографии и ономастики. Первая изучает территориальное распространение языковых явлений всех уровней, вторая исследует собственные имена в различных аспектах, один из которых — лингвогеографический.

Ономастика активно использует методы исследования, апробированные лингвистической географией.

Изучение онимов методом лингвистического картографирования является одним из наиболее эффективных (достаточно вспомнить известные работы В. А. Никонова о распространении топонимов с различными формантами, о географии фамилий). В топонимике картографирование обязательно. Назрела необходимость более последовательного применения его и в антропонимике, современной и исторической. Ономастическое картографирование дает много ценного не только для лингвистической географии, но и для всех смежных дисциплин. Картографируются данные как ареальных, так и региональных исследований по ономастике.

Посредством анализа ономастических карт выявляются ареалы имен или их отдельных компонентов (основ, аффиксов). Наиболее активно ареальный метод применяется при изучении субстратной топонимии. Ареалы топонимов, обладающих одним и тем же формантом, и основ, употребляющихся с ним, показывают на принадлежность их к одному субстратному языку и свидетельствуют о древних лингвоэтнических контактах на той или иной территории (исследования А. И. Попова, А. П. Дульзона, А. К. Матвеева, Б. А. Серебренникова, Г. В. Глинских и др.). Ареальные исследования славянской топонимии пока немногочисленны (назовем работу В. А. Никонова об ареалах топонимов, обра-

зованных от названий водных источников, и монографию В. П. Лемтюговой о восточнославянских ойконимах, восходящих к нарицательным обозначениям типов поселений). Время создания топонимического, тем более ономастического атласа России еще не настало, но региональные исследования по ономастике, число которых возросло в последние десятилетия, безусловно, приближают его.

Региональное изучение онимов какого-либо класса позволяет полно представить и рассмотреть данное множество как фрагмент территориальной ономастической системы, изучить историю его формирования и специфику функционирования в той или иной речевой сфере, определить связи с другими онимическими классами и местными диалектами, выявить его локальные особенности и др. Все больше внимания уделяется ономасиологическому аспекту анализа имен в региональных ономастических исследованиях (работы Н. Б. Ковалевой, Н. А. Кузнецовой, С. Н. Смольникова и др.). В ономасиологическом направлении активно продвигается и лингвистическая география. Объединение усилий исследователей поможет более полно представить процесс номинации в русском языке, выявить его специфику в сфере онимов и апеллятивов, показать географию этого процесса.

Содружество лингвогеографии и ономастики взаимно обогащает их. Данные ономастики используются для уточнения семантики и ареалов диалектных апеллятивов. С помощью этих данных реконструируются различные группы лексики, анализируются изменения формы, значения и распространения отдельных слов на протяжении нескольких столетий (исследования Г. П. Смолицкой, Ю. И. Чайкиной, Е. Н. Поляковой, И. А. Кюршуновой и др.). Восстановление лингвистического ландшафта прошлого помогает лучше понять процесс образования онимов, формирование их семантики, особенности системной организации, позволяет определить их место в системе языка.

Взаимодействие лингвогеографии и ономастики осуществляется главным образом на лексическом уровне и связано с изучением лексики другими лингвистическими дисциплинами: исторической лексикологией, описательной и исторической диалектологией, ономасиологией и др. Выявление пограничных лексических зон способствует более целенаправленным совместным поискам этих наук. Как показывают исследования, топонимия наиболее тесно связана с лексикой литературного языка и диалектной лексикой, отражающей воздействия человека на природу и восприятие им физико-географических особенностей среды (разные разряды топонимии взаимодействуют с разными группами этой лексики), антропонимия активно взаимодействует с обозначениями

различных индивидуальных и социальных признаков именуемых лиц и отношений между ними и т. д.

К. И. Демидова (Екатеринбург)

ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ГОВОРОВ ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ (на материале говоров Среднего Урала)

Выбор единицы картографирования зависит от целей и задач картографирования и характера картографируемых говоров. Русские говоры Урала — своеобразный диалектный континуум, отличный от диалектного континуума Европейской части страны, что объясняется его формированием и характером функционирования говоров на рассматриваемой территории. Исторически на одной и той же уральской территории, а иногда в одном и том же населенном пункте оказывались носители различных русских говоров: севернорусских, южнорусских, среднерусских, причем характер этих говоров в различных населенных пунктах был неодинаковым. Первичные русские говоры вступали во взаимодействие не только между собой, но и с языками аборигенов края (коми, манси, ханты, татары, башкиры и т.д.).

Одной из особенностей уральских говоров на лексическом уровне является полидиалектный характер семантических общностей (СО), а особенностью конкретных уральских микросистем — комбинации лексем в этих общностях. Например, в говоре с. Калиновка Красноуфимского района Свердловской области в СО 'названия леса' фиксируются следующие лексемы: *бор* — 'большой лес', арх., перм., сиб., том. (СРНГ, вып. 3, с. 96), *вале'жина* — 'срубленное дерево', олон. (СРНГ, вып. 3, с. 12), *мелколе'сник* — 'мелколесье', ряз. (СРНГ, вып. 18, с. 100), *вале'жник* — 'сухое упавшее дерево', смол. (СРНГ, вып. 4, с. 22), *молодня'к* — 'поросль молодого леса', новг. (СРНГ, вып. 18, с. 226), *паль* — 'выжженное место в лесу', яросл., волог. (СРНГ, вып. 25, с. 179), *чащо'ба* — 'густой лес', пенз. (Сл.Д., т. 4, с. 583), *гарь* — 'выгоревший лес', волог., пск., перм. (СРНГ, вып. 6, с. 148) и т.д. Та же СО в говоре д. Поползуха Артинского района Свердловской области представлена лексемами *бор*, *глухота'* — 'дремучий лес', урал., свердл., том. (СРНГ, вып. 6, с. 217), *вале'жник*, *подле'сок*, *бурело'м* — 'сломанный бурей лес', смол., (Сл. Д., т. 3, с. 285), *суха'ра* — 'сухое дерево', ниж., костр. (СРНГ, вып. 4, с. 386), *гарь*, *паль*, *редколе'сье*, *арёма* — 'мелкий лес по

берегу реки, озера', тат. (СРНГ, вып. 1, с. 27), *урёма* — 'дремучий лес', тат. (Сл.Д., т. 4, с. 309) и т. д.

Такая же пестрая картина с точки зрения территориальной принадлежности слов в первичных говорах и характера их взаимодействия наблюдается и в других СО уральских говоров. Одной из важнейших проблем лексического картографирования территории позднего заселения является решение вопроса о единице, которая должна быть положена в основу репрезентации лексического материала на карте. Учитывая характер лексико-семантического уровня языка вообще и диалекта в частности, мы определили цель лексического картографирования говоров Среднего Урала как показ СО в их пространственной проекции. Поэтому в качестве единицы картографирования была взята СО. Картографирование СО предоставляет возможность учесть другую особенность говоров территории позднего заселения, связанную с историей их образования — большую вариантность и синонимичность языковых единиц, которая активно проявляется даже в пределах одной микросистемы, давая материал для изучения языковых процессов, протекающих в современных диалектах. Таким образом расширяется информативность карт. Принцип картографирования СО сокращает количество знаков у одного населенного пункта и уменьшает количество карт по сравнению с картографированием отдельных слов.

Материал карт, составленных по указанному принципу, может быть использован при решении проблемы выделения диалектной лексической микросистемы на основе как географических, так и лингвистических параметров, а также при решении проблемы соотношения диалектных фонетических, грамматических и лексических систем. Он будет незаменим при составлении системного словаря говоров территории позднего заселения, способствуя изучению специфики говоров этой территории, переходу от типологии лексических различий к типологии систем.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ СУБСТРАТНОГО ЛАНДШАФТА В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Значение апеллятивной лексики в изучении языкового субстрата нередко недооценивалось: довольно часто приоритет отдавался топонимии, а также фонетико-грамматическим особенностям. Однако исследование лексических данных всегда давало неплохие результаты даже на начальных этапах этимологических штудий.

При изучении лексического субстрата крайне важно использовать ареальный метод, поскольку субстратная лексика обычно статична и стабильна в пространстве, всегда отражает субстратный тип языка-донора, не выходит за границы его распространения. Так, например, слово *тагас* 'вид невода' фиксируется только в Белозерье и отражает вепсское влияние.

Наиболее полную картину лексического субстрата в русских говорах может дать полное лингвогеографическое обследование контактного региона. Такого рода исследование во многом отличается от сбора и изучения материала для атласов, которые традиционно ориентированы на показ ареалов исконной лексики в ее лексико-семантических и словообразовательных вариантах и нередко игнорируют иноязычный материал, не включая его в перечень картографируемых лексем, поскольку он часто характеризуется единичными фиксациями. При этом материал обычно не представляется для разработки его графического обозначения и фигурирует только в общем индексе.

Естественно, что тщательный показ субстратных и заимствованных лексических данных возможен в атласе, в котором анализируется контактный регион, выделенный по лингвистическим критериям. Лексические данные для подобного атласа должны собираться по особой программе, в основе которой лежали бы концепты, отражающие своеобразие понятийной системы севернорусских говоров при преимущественно неисконной лексической манифестации. В таком атласе на уровне апеллятивной лексики должны отразиться результаты влияния не только прибалтийско-финских языков и диалектов, которые, конечно же, доминируют в этом плане в севернорусских говорах, но и следы коми языка, а также саамский, скандинавский и балтийский субстрат (последний, по уже собранным данным, прослеживается в Поволховье).

Таким образом, кроме представления субстратной и заимствованной лексики, бытующей в севернорусских говорах, основное внимание следует уделить выделению границ различных субстратных языковых типов.

Осуществление всех этих задач планируется в «Атласе субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада». В качестве примера приведем представленный в этой работе материал по наименованию ивы. Для данной реалии выявлено около 20 иноязычных лексем, среди которых доминируют слова прибалтийско-финского происхождения: *пайня'к*, *вигня'к*, *вигня'жник*, *виня'к*, отмечаемые в прионежских, белозерских говорах; *ра'йда*, *ра'йди'на*, *райдо'вник*, зафиксированные в Обонежье, Каргополье, Белозерье. Лексемы с корнем *бред-*: *бред*, *брета'*, *бре'ди'на*, *бреди'нина*, *бредня'к* балтийского происхождения и широко распространены в новгородских, тверских, ярославских, костромских говорах. В мезенских и пинежских говорах наименование ивы уже связано с влиянием коми языка: *е'ра*, *ёра*, *е'рка*. Тюркская основа фиксируется в наименованиях данной реалии и в костромских говорах: *та'ли'на*, *та'льник*.

Однако такому лингвогеографическому обследованию можно подвергнуть не все понятия и реалии, а лишь те, появление которых в севернорусских говорах связано преимущественно с иноязычным влиянием. Выделение таких концептов для анализа не имеет системного характера: они были выявлены эмпирическим путем в ходе диалектологических экспедиций.

У. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Т. В. Бахвалова (Орел)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ

Специфика говоров в плане их фонетико-фонематических, структурно-словообразовательных, грамматических, лексических особенностей возникает не только за счет качественных особенностей единиц разных уровней, но и за счет своеобразного сочетания ареалов единиц каждого уровня на определенной территории.

Материалы словаря орловских говоров (СОГ), 10 выпусков которого вышли в свет и включают в себя почти 15000 словарных статей от А до Пр-, содержат богатые сведения для выявления своеобразия лексики орловских говоров.

Географические пометы, свидетельствующие об ареале отдельных лексем, их вариантов и значений, позволяют выявить группы однотипных в плане лингвогеографической характеристики единиц, сопоставление которых с данными СРНГ дает возможность определить всю полноту ареала, свойственного тому или иному слову, его варианту, отдельному лексическому значению и целой группе слов в русском языке.

В лексике орловских говоров значительную группу составляют слова, общие для многих говоров южнорусского наречия. Большинство таких слов входит в традиционные тематические группы. Они обозначают самые разнообразные предметы окружающего быта, являются названиями растений, деталей рельефа местности, относятся к существительным со значением лица и др.: *куба'н*, *ку'рник*, *мурицо'вка*, *матёрка*, *отве'ршек*, *козю'ля*, *миро'шник* и др. Несовпадение семантической структуры, степени распространенности отдельных значений, различия в количестве и качестве вариантов, объем словообразовательного гнезда отдельных слов создает специфику употребления их в разных говорах, и далее — своеобразие говоров.

Широко представлены на Орловщине слова, известные не на всей, а лишь на части территории, занимаемой южнорусским наречием. Выделяются группы слов разных ареалов: южного — *ла'нту'х* 'желудок домашних травоядных животных' (Нвр., Дон., Белг., Курск. — СРНГ),

юго-восточного — *налы'гач* 'ремень или веревка, надеваемые на рога запряженных волов и служащие поводком' (Дон., Рост., Кубан., Краснодар., Ставро., Сталингр., Чкал., Терск. — СРНГ), западного — *кра'ли* 'бусы' (Смол., Брянск., Орл. — СРНГ) и др. Во всех приведенных случаях орловские говоры оказываются границей ареала — северной, западной, восточной. Особенности ареала слова, известного за пределами Орловщины, дают ценную информацию о территориальном распространении слова, о путях проникновения его в местные говоры.

Распространение слова из одних говоров в другие сопровождается обычно логическим развитием семантической структуры слова. Внимание к таким фактам позволяет установить причины, породившие ее своеобразие в тех или иных говорах. Показательно в этом отношении существительное *ла'нту'х*: в СРНГ оно зафиксировано в значении 'мешковина'. Известное на юге, слово *ла'нт'ух* у северной границы своего ареала, в орловских говорах, приобрело новое значение — 'кушанье'. Смысловая структура существительного сформировалась как результат вертикального (семантического) и горизонтального (ареального) развития. Чем дальше от исходной территории, тем больше семантический отрыв последнего из появившихся значений у слова от первоначального. Иногда значения объединяет лишь некая «семантическая идея», одна из сем, ср. *мажа'ра* 'большая, с высокими выгнутыми боками телега' (Дон., Кубань, Ставро., Краснодар., Брян. — СРНГ) и *мажа'ра* 'о рослом, здоровом, крупном человеке' (СОГ).

Нередко при таком движении/развитии слова происходят изменения и в его морфемной структуре. В этом случае данные лингвистической географии могут оказать большую помощь в установлении мотивационной основы слова, ср. *ландо'рики* 'блины из перезимовавшего в земле под снегом картофеля' (СОГ) и Ряз. *ландушки* 'картофельные оладьи', Ряз. *ла'нду'шка*, *ланду'ха* 'брюква', Вят. *ла'нда* 'брюква' (СРНГ).

Таким образом, исследование языковых фактов с учетом географических помет в диалектном словаре позволяет определить пути распространения слов в говорах, установить мотивационную основу отдельных значений в слове и в связи с этим лучше понять развитие семантической структуры данного слова, обнаружить самые разнообразные связи одних говоров с другими — как с ближними, так и с отдаленными.

**ИСТОРИКО-ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ
«ЛЕКСИКА АРХАНГЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ
XVI — нач. XVII вв.»**

В лаборатории диалектологии и археографии ПГУ третий год ведется работа над созданием историко-диалектного словаря «Лексика архангельских памятников XVI — нач. XVIII вв.» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Основная задача словаря — служить справочным пособием для чтения старорусских текстов разных жанров, созданных на территории архангельского севера, для получения сведений о тех или иных словах и их значениях. Кроме чисто практического (справочного) назначения, словарь ставит перед собой и научные задачи.

По своему типу словарь будет историческим дифференциальным толково-переводным словарем с диахронным описанием лексики, какими и являются все исторические словари.

В основе словаря лежит лексика рукописных источников делового характера, созданных на Севере в указанный период. Географические рамки источников определяются территорией современной Архангельской области. Источником словаря является историческая картотека лаборатории, созданная по памятникам хозяйственно-делового содержания, написанным в монастырях Русского Севера, которые в старорусский период являлись местными центрами письменности и культуры. Диалектный материал извлекается из картотеки лаборатории диалектологии и археографии ПГУ, а также картотеки архангельских говоров лаборатории диалектологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Словарь называется историко-диалектным, поскольку задуман как исторический словарь с диалектным комментарием. В состав словарной статьи входит слово, его дефиниция, сведения о происхождении слова (если оно заимствованное), затем приводятся иллюстрации из памятников письменности. При наличии в картотеке данных из архангельских памятников более позднего периода они также приводятся в иллюстративной части статьи. Далее в этой же статье дается диалектный комментарий к слову, если оно сохранилось в современных архангельских говорах, то есть приводится форма его бытования в говорах, значение или значения слова и иллюстрации. Если слово не фиксируется в современных архангельских говорах, в статье могут быть приведены данные из диалектных словарей XIX в., отметивших описываемую лексему в ар-

хангельских и олонекских диалектах прошлого века (имеются в виду словари А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, В. И. Даля и др.). В конце каждой словарной статьи авторы Словаря считают нужным указать наличие описываемого слова в составе современного русского литературного языка (по данным ССРЛЯ) с указанием формы его бытования и значения, если оно отлично от старорусского и диалектного значений. Такой подбор материала для словаря позволяет судить не только о значении слова, но и о его истории и дает простор для лексикологических изысканий.

В отдельных случаях в Словаре может быть дано указание на локальный характер распространения слова при наличии таких данных в других лексикографических источниках или при отсутствии лексемы в имеющихся словарях и исследованиях, посвященных данному периоду развития лексической системы языка в других регионах. Однако ареальная характеристика слов старорусского периода представляет большую проблему, поскольку возможна лишь при наличии комплексного исследования различных источников всех регионов Московского государства, чего в настоящее время еще нет.

Предполагается расположить материал по тематическим группам, а также привести в конце словаря алфавитный указатель всех слов.

Идея словаря, содержащего как исторические, так и диалектные сведения, созрела в отечественной лексикографии давно. В отношении словаря архангельских говоров ее высказывал проф. В. Я. Дерягин. Сейчас издается Псковский областной словарь с историческим комментарием, первый диалектный словарь такого рода. Но исторического словаря, подобного задуманному, — с современными диалектными данными — еще не было.

В настоящее время наблюдается определенное оживление лексикографической работы на материале памятников местной деловой письменности. Уже вышло несколько выпусков Словаря пермских памятников, 2 выпуска словарных материалов, извлеченных из воронежских источников, создается словарь смоленских памятников, терминологический словарь северной письменности в Вологде. Ранее были выпущены два сибирских словаря: Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. и Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв. [Н. А. Цомакион, Красноярск, 1971]. Последний словарь ближе всего стоит к задуманному нами, так как, помимо сведений из памятников письменности, он содержит данные по каждому слову из всех имеющихся исторических и большинства диалектных и различных специальных словарей.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО ГОВОРОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лексическое богатство русских говоров в сравнении с литературным языком проявляется на любом тематическом уровне. Лексика, анализируемая в докладе, способна вызвать интерес как в качестве самостоятельного объекта исследования, так и в качестве источника ценной информации для развития исторической лексикологии.

Давно известно, что в группе общеиндоевропейской и общеславянской по происхождению лексики русского языка немалую часть составляют названия продуктов питания и изделий из них. Сохранение этих названий в современном лексическом фонде и их активное функционирование — уникальное явление на фоне достижений материального прогресса человечества за истекший исторический период.

Как и русские, все славяне сегодня пьют *пиво* (рус., укр., бел. *пиво*, чеш., словц. *pivo*, польск.-луж. *piwo*, болг. *пиво*, с.-х. *пиво*, слов. *pívo*), 'напиток из ячменного солода с небольшим содержанием алкоголя', разницу в качестве которого определяют по цвету (рус. *светлое* — *темное*, чеш. *svtlé* — *černé*, польск. *jasne* — *ciemne*, блг., макед. *светло* — *црно* и под.), и называют его одним древним общеславянским словом от **piti*. Лишь в болгарском языке сосуществуют два названия: собственно славянское *пиво* и заимствование из немецкого *бира*.

Исторические и лингвистические факты свидетельствуют о том, что славяне научились варить пиво в глубокой древности. На протяжении веков менялась не только технология изготовления напитка (иностранцы отмечали, что пиво на Руси было вкусным, но мутным), менялось и значение слова *пиво*. Название *пиво* в древнерусских памятниках зафиксировано с XI века, но первоначально в значении 'любое питье' (это значение сохранил сербохорватский язык) и позже как обобщенное название хмельных напитков, впрочем, в последнем значении с древних времен с *пивом* соперничали *вино* и *мед*. Эти значения славянские языки утратили. Классики славянской филологии неоднократно обращали внимание на древнее, возможно, общеиндоевропейское название пива — *оль*, следы которого сохранились в родственных диалектных образованиях. Наиболее полно эти следы в русском языке выявляет Словарь русских народных говоров. Не допускают сомнения в этимологической родственности сев.-рус. *олови'на*, *ола'вина*, *еловина* (удар. -?) в значении 'гуша. осадок на дне при варке пива, кваса, браги'; *ола'ва* в значе-

нии 'пиво' калуж., возможно, *оловя'ник* в значении 'оловянный стакан для пива' (Если *оловя'нный*, то почему для *пива*? Возможно, здесь проявился результат наложения омонимичных образований); *ала'ня*, *ола'ня*, *ала'ха*, *ела'ха*, *ела'шка* 'пиво' влад., костром., яросл., твер. Появление нового названия древнего напитка могло быть вызвано изменениями в технологии его приготовления. Так, Л. Нидерле в «Славянских древностях» указывает, что употребление хмеля при варке пива засвидетельствовано у славян, сначала у чехов, а с XI века и на Руси, при этом название *хмель* считается заимствованным у финнов или тюрко-татар. Можно предположить, что пиво в древности мало напоминало современный напиток. Несомненный интерес представляет факт, что названия хмельных напитков, наряду с названиями изделий из муки и крупы, самые древние в кругу славянской «кулинарной» лексики.

Обращает на себя внимание севернорусское происхождение значительного пласта лексики, называющей различные сорта пива (например, *мужское* пиво 'сильно перебродившее, большой крепости в отличие от легкого и сладкого *женского* пива' *арх.*), в частности, лексики, интересной в этимологическом отношении (*брандахлы'ст*, *брындахлѣст* 'пиво плохого качества' *твер., волог.*).

Л. И. Ларина, Л. О. Занозина (Курск)

КУРСКИЕ ГОВОРЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Научно-исследовательская работа в области изучения народных говоров активно велась и ведется в периферийных регионах: чем дальше от центра, тем сохраннее живая речь. Курские говоры исследовательской мыслью не обойдены, тем не менее диалектный язык Курского края таит в себе еще много интересного, требующего тщательного изучения.

Диалекты Курского региона входят в Курско-Орловскую группу говоров. Язык курян содержит много черт, которые характерны для говоров южного наречия, но, как отмечали исследователи еще в XIX в., «говор коренного населения включает такие особенности, которые резко отличают его от говора великорусского и некоторым образом приближают к малорусскому» [Вержицкий, 1892, 1] и «от близкого соприкосновения ... между ними почти изгладилась разница и даже получился какой-то особенный средний язык» [Вернер, 1889, 5].

Территория бывшей Курской губернии являлась древней территорией славянских племен, крайним пределом русских владений. Население образовалось из пришлых людей, среди которых было и московское служилое сословие, и простолюдины, и ссыльные. Вольные курские земли заселялись и инородными: черкасами и литовцами, последними особенно в период усиления литовского могущества. Все эти переселенцы, смешавшись с коренными обитателями края — северянами и полянами, уцелевшими после половецких и татарских нашествий, составили тот этнический конгломерат, который известен в этнографической науке как куряне [КГВ, 1898, № 54, 55]. В результате Курская земля характеризуется не только этнической, но и лингвистической пестротой. «Говоры области представляют собой клубок, распутать который можно лишь при историческом подходе к изучению... живых особенностей речи» [Денисевич, 1947, 92]. В настоящее время назрела необходимость активного изучения курских говоров.

Исследование живой разговорной речи курян во второй половине XX века осуществлялось кафедрой русского языка Курского госпединститута. Приобретался опыт проведения полевых экспедиций, подвергались обследованию отдельные села Курской области, накапливался диалектный материал. Всесторонне и разнопланово собирательская работа начала проводиться в 60—70-е годы под руководством заведующего кафедрой русского языка Г. В. Денисевича, организовавшего зональное межвузовское объединение кафедр вузов ЦЧО, одним из важных направлений которого являлось изучение южнорусских говоров. В это время пополнялась диалектная картотека, накапливались фонозаписи, а в 80-е годы начался сбор этнолингвистических материалов по программам Института славяноведения и балканистики и параллельно с этим преподаватели кафедры русского языка включились в работу по созданию Лексического атласа русских народных говоров.

В настоящее время актуальным направлением, получившим поддержку Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, является комплексное изучение курских говоров. С этой целью создана научная лаборатория. Итогом деятельности лаборатории стали «Материалы к хрестоматии курских говоров» Л. О. Занозиной и Л. И. Лариной, опубликованные в 1999 году в издательстве Курского госпедуниверситета. В работе содержатся этнографические тексты, объединенные темой «Свадьба». В полном объеме представлен этнодиалектный материал южнорусского свадебного комплекса. Хронологические рамки опубликованного материала — конец XIX — конец XX вв. Тематический сборник может быть использован специалистами-

диалектологами, этнографами, студентами вузов, учителями, краеведами.

Одним из аспектов работы лаборатории является создание словаря курских говоров, который планируется как толковый дифференциальный диалектный словарь говоров Курской области. В его основе словарная картотека, собранная в процессе изучения живых народных говоров.

Известно, что с 1956 года на страницах ученых записок МОПИ публиковался Курско-орловский словарь С. М. Кардашевского. В словарь была включена местная лексика, отмеченная у носителей курско-орловской диалектной речи. Планировалось включить в словарь несколько тысяч слов, зафиксированных с 1945 по 1953 г. в ходе полевых исследований, извлеченных из рукописных источников, накопленных в течение 130 лет, и из диалектологических картотек из Ярославской, Калужской и других областей. Но, к сожалению, этот словарь не дошел до массового читателя и остался незавершенным.

Предполагаемый словарь курских говоров в основном будет опираться на имеющийся лексико-фразеологический диалектный материал, собранный в селах Курской области с 70-х годов по настоящее время в пределах ее современных территориальных границ.

Планируемый областной словарь даст возможность сохранить, систематизировать, описать ценный лексико-фразеологический пласт живой народной речи курян.

Г. Н. Карнаушенко (Харьков)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Составители диалектных словарей постоянно отмечают, что им приходится встречаться с рядом сложных случаев, связанных с характеристикой многозначного слова [Прокопенко 1978; Сороколетов, Кузнецова 1987, 198 и сл.; др.]. В плане теории здесь можно увидеть две проблемы: проблему статуса и соотношения семантических диалектных различий и проблему сопоставления и соотношения многозначности в одной ЧДС и междиалектной многозначности.

Подходы к разрешению данных проблем различны у разных авторов (ср., например, позиции, представленные в работах [Мораховская 1991; Старычонак 1984] и в [Гриценко 1990, с. 152-153; Филин 1948, с. 223]).

Одним из серьезных оснований рассмотрения совокупности членов семантических диалектных различий как одного многозначного слова считается признание «исторической и генетической общности разных форм существования национального языка» (Ф. П. Сороколетов и О. Д. Кузнецова). Отсюда следует вывод о большем соответствии диахронического подхода к «конструктивной», то есть полидиалектной, языковой системе. Синхронический подход хотя и допускается («на основе анализа семантических соответствий на современном этапе развития частных микросистем»), но разбивается на отдельное изучение «реальной семантики» диалектного слова (т. е. монодиалектного) и «конструктивной семантики» [Загоровская 1990, с. 96].

Соглашаясь с О. В. Загоровской в том, что «реальная семантика и конструктивная семантика диалектного слова представляют собой принципиально различные сущности», и допуская, что изучение их «требуется проведения самостоятельных научных исследований», не можем не обратить внимания на острую практическую необходимость теоретического осмысления их соотношения, особенно соотношения монодиалектной и полидиалектной многозначности.

Так же, как за отдельными конкретными индивидуальными употреблениями, данными нам в реальности, стоит все же общезыковое значение, так же, как за субъективными классификационными разбиениями стоят общие принципы и некий инвариант категоризации, свойственной данному этносу, культуре, вообще человечеству, — так и за частными диалектными системами, связанными с реальным языковым коллективом, стоят системы более высоких порядков. То, что это действительно системы, а не случайная совокупность первичных систем, достаточно убедительно доказывают факты обнаружения повторяющихся закономерностей (ср. выявления семантических изоструктур создателями карпатского, молдавского, украинского диалектологических атласов). И хотя здесь больше вопросов, чем ответов, поиск в этом направлении представляется чрезвычайно продуктивным.

В частности, актуальным остается вопрос, как преодолеть столкновение структуры многозначного слова одной ЧДС (которая выводится в результате инвариантизации ответов на вопросы программы и, следовательно, разрушает их) и структуры многозначного же «сводного» слова по всем обследованным ЧДС данного региона. Как сохранить сведения по каждой ЧДС (с указанием релевантных/нерелевантных признаков, оппозиций с другими словами) и свести все же к одной словарной статье, тем самым выявив междиалектные связи и противопоставления?

(Ср. мнение С. М. Толстой о единице полидиалектного словаря в [Толстая 1985, с. 300]).

Линейная форма подачи материала в словаре сопротивляется представлению объема, глубины — парадигматических и эпидигматических связей каждого из ареальных оппозигов (слов с совпадающей формой из разных ЧДС).

Каждый ЛСВ в системе своего говора — особый, не равен даже, казалось бы, одноименному ЛСВ другой системы.

Следовательно, представленность в словаре — лишь одна плоскость, для объемного видения необходимо учитывать четыре текста: словарь (алфавитная подача), классификация (тематическая) по каждой ЧДС, сводный словарь и сводная классификация.

Опыт обработки материала вручную показал, что некоторая часть операций поддается формализации и при увеличении объема целесообразно использование компьютера со значительным объемом памяти (так как принципиально важны контексты к каждому слову в каждом значении в каждой ЧДС). Использование компьютера даст возможность обзора материала по разным направлениям и фактически создаст объемное представление данных — и в парадигматическом, и в ареальном плане. Но само по себе оно не разрешит теоретических проблем, связанных с соотношением семантики «реальной» и «конструктивной» систем.

Е. В. Ковалых (Псков)

ОБЩЕРУССКОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В НАИМЕНОВАНИЯХ ЛЮДЕЙ

**(на материале хозяйственных книг
Псково-Печерского монастыря XVII в.)**

Хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря XVII в. (переписные книги 1639, 1652, 1663, 1678 гг.; приходо-расходная книга 1674—1675 гг.) представляют опись имущества монастыря и перечень людей, живущих на его землях, отражают хозяйственную жизнь монастыря. В этих памятниках обнаружены наименования лиц по разным основаниям: по социальному положению и занимаемой государственной должности, по должности в монастыре и выполняемой работе, по роду занятий, по родственным отношениям и т.п.

В переписной книге 1678 г. даются подробные сведения о людях, проживавших на землях Псково-Печерского монастыря. По «нормам», установленным для подобных описей, писцом обычно фиксировалось только мужское население, упоминается дворохозяин, его дети и другие обитатели, связанные с хозяином родственными узами (*брат, зять, племянник, шурин*), люди, занимающие определенное положение в данном хозяйстве (или вне его) (*пасынок, подкидыш, подсоседник, приемыш, вскормленник*). Лексема *подсоседник* часта в книге 1678 г., видимо, в значении 'тот, кто не имеет собственного хозяйства, живет на чужом дворе'. Контекст позволяет расширить значение, указанное в СлРЯ XI—XVII (XVI, 59): в подсоседниках могли быть не только «обедневший крестьянин или посадский человек», но и военные люди (стрелец), монастырские служки и т. д. Наименования женщин встречаются реже, поскольку женщины не играли такой роли в обществе, как мужчины. Но в книге 1678 г. упоминаются в основном вдовы, управлявшие хозяйством, — дворохозяйки. В текстах книг 1639, 1652, 1674, 1675 гг. обнаружены названия женщин в основном по родственным отношениям: *бабка, дочь, жена, невестка, посестрия, сестра*.

На происхождение человека по разным признакам указывают слова *выходец, порода, родимец*.

Представленная лексика в основном имеет общерусский характер. Но некоторые слова требуют особого рассмотрения.

В переписной книге 1663 г. обнаружена лексема *казак*, которой нет в книгах 1639 и 1652 гг.: *Кобылица сера грива дача казака псковского* (л. 181 об.). Контекст показывает, что слово *казак* употреблено не в значении 'вольный человек, свободный от тягла и работающий по найму; батрак', что считается характерным для новгородско-псковской территории. Маловероятно, чтобы батрак мог внести в монастырь в качестве дара лошадь, поэтому в данном случае *казак* имеет значение 'служилый человек, несущий пограничную службу по найму, на определенных условиях'. Известно, что такие казаки были в Пскове.

Слово *шолковник* из книги 1663 г. не зафиксировано в исторических словарях и Разговорнике Т. Фенне. Контекст не позволяет точно определить его значение: *Девять аршин атласу узорчатого дачи Кондратя шолковника псковитина* (л. 309 об.), но можно допустить, что это человек, изготавливающий что-то из шелка, или торговец шелковыми тканями и изделиями из шелка (тем более, что и дачу в монастырь человек, названный *шолковником*, сделал «узорчатым атласом»).

В конце книги 1663 г. при перечислении людей разных занятий (*кузнецы, плотники, повары* и т.д.) употреблен субстантиват *разъезжие*.

В СлРЯ XI-XVII данная лексема приведена как прилагательное; для обозначения людей зафиксировано устойчивое сочетание *разъезжие мужи* 'свидетели при межевании' (XXI, 26). Но в нашем тексте наименование *разъезжие*, по-видимому, означает не временное исполнение обязанностей, а род занятий как профессию, т.е. 'тот, кто устанавливает границу, межу'.

В книгах 1652 и 1674—1675 гг. выявлены лексемы *котечник*, *поддойка*, *пральник*, *теляш*, являющиеся регионализмами. Слово *котечник* отмечено в СлРЯ XI—XVII с единственным примером из Псковской судной грамоты, один пример из исследуемых текстов дан на слово *пральник*, а слова *теляш*, *поддойка* в исторических словарях не зафиксированы.

Таким образом, хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря дают возможность определить общерусскую лексику, выявить диалектные черты, в частности в наименованиях людей.

Л. Я. Костючук (Псков)

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И НАРОДА (по псковским памятникам письменности и народным говорам)

Об истории языка и истории народа можно узнавать из разных источников. Наиболее достоверны датированные письменные памятники, относящиеся к определенной территории. Разные по жанрам, по содержанию, памятники фиксируют определенные события истории народа.

По свидетельству Б. А. Ларина, псковские летописи — богатейший источник сведений о событиях северо-запада Руси. Поэтому они составляют главный фонд памятников, которые стали источниками сведений для исторической части Псковского областного словаря. Наряду с погодными записями о конкретном регионе летописи по традиции включают описание мира от исходных человеческих колен, чтобы была видна преемственность событий, которые затем описываются непосредственно в соответствующие годы. Помимо погодных записей в летописи включаются рассказы, истории, жития.

Чем важнее событие или человек, который описывается в летописи, тем ярче создаваемый в тексте образ. Так, Псковское взятие, потеря Псковом его самостоятельности передается не как реальное событие-факт, а через экспрессивный образ напавшего орла.

Псковичи пишут, как новгородцы не помогают «младшему брату» в борьбе с врагами: «новгородцы ничтоже не помогоша».

Известно, что топографические сведения, сведения о постройке памятников, обо всем, что происходило в Пскове, извлекаются прежде всего из летописей.

Но и деловые памятники содержат важные сведения, касающиеся прежде всего Пскова, но и не только Пскова (до сих пор ученые отмечают особую значимость в истории юридического быта и законодательства Псковской судной грамоты). Местные грамоты говорят о границах, угодьях содержат важные топонимические сведения, показывают отношения людей между собою. В истории духовной и материальной культуры русского народа значимы немногочисленные, но чрезвычайно интересные по сообщаемым сведениям берестяные грамоты, найденные в Пскове при раскопках, начиная с 60-х годов XX века.

Из Разговорника Т. Фенне, составленного немецким купцом в Пскове в 1607 году, мы узнаем о том, какие специальности, профессии, какие национальности, какие бытовые предметы, какие продукты были известны псковичам в начале XVII века. В разговорнике обнаруживаем местные слова, словосочетания, пословицы, фразеологизмы. Иногда это наиболее ранняя фиксация лексико-фразеологической единицы. После того, как стал известен памятник Т. Шрове, обнаруженный польскими учеными в Кракове, многое стало ясно в сфере «купли-продажи» на Северо-Западе.

Такое уникальное научное издание, каким является Псковский областной словарь с историческими данными, систематически, максимально полно фиксирует все сведения о жителях Псковской земли и о языке этих жителей на протяжении веков; все, что попадает в поле зрения ученых, фиксируется, обрабатывается и представляется в этом источнике, который доступен каждому.

Так, в Псковских летописях обнаруживаем отражение особого псковского (появившегося, видимо, под влиянием белорусского, польского языков) предлога *З* («*З веча бЕгають*» — в Псковской третьей летописи, Строевском списке, под 1448 г.). Эта черта представлена в особых топонимических названиях, известных издавна, зафиксированных в памятниках (название церкви «Георгий со ЗВОЗУ»). Есть она и в современном топониме (наряду со словом ВЗВОЗ), и в современной диалектной речи.

При сборе современного диалектного материала фиксируются такие явления, которые важны для доказательства уникальных языковых процессов в прошлом. Так, почти ежегодно встречаются корни без второй

палатализации заднеязычных типа *кедить*, о чем писала С. М. Глускина. Обнаруживаются редкие фразеологизмы, словообразовательные особенности, уникальные семантические сдвиги в словах.

Бережное отношение к памятникам и современным говорам, продолжение экспедиционных исследований и в современных условиях служат сохранению сведений и о населении определенной территории, и о языке определенного региона. Работа над Псковским областным словарем с историческими данными, над Лексическим атласом русских народных говоров, над Лексическим атласом Псковской области способствует тому, чтобы обнаружить, обработать, зафиксировать все уникальные сведения разных уровней народного языка, чтобы в дальнейшем исследователи могли это использовать для изучения псковского материала и в сопоставительном плане.

И. А. Кюргунова (Петрозаводск)

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ НЕКАЛЕНДАРНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН, ПРОЗВИЩ И ФАМИЛЬНЫХ ПРОЗВАНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XV—XVII вв.

В настоящее время имеется целый ряд работ по этимологии именований лиц (В. А. Никонов, О. Н. Трубачев, Б. О. Унбегаун, Ю. А. Федосюк, Ю. И. Чайкина и др.). Однако, как справедливо замечают исследователи, таких работ еще явно недостаточно. Региональные словари именований лиц содержат ценнейший материал для решения языковых, в том числе ономастических, проблем. Такие словари позволяют более полно увидеть тенденции, местные особенности в именовании лиц в определенное историческое время.

Среди антропонимов выделяются разные типы именований, которые восходят, во-первых, к названиям лиц, имеющим соответствующие апеллятивы в письменных источниках (это большая часть названий лиц по профессии, социальному положению именуемого, а также некоторые названия лиц по местности, широко известные в прошлом), во-вторых, к названиям лиц, не имеющим по ряду причин апеллятивных соответствий в памятниках письменности.

Опираясь на данные ономастики, ученые восстанавливают целые группы апеллятивов, существовавших в лексико-семантической системе донационального периода. Так, прозвище *Кережа* (1563 г.) восходит к апеллятиву *кережа*, который не отмечен историческими словарями. И

только имя собственное является в данном случае подтверждением того, что данный апеллятив мог существовать в лексической системе прошлого.

Именования, восходящие к экспрессивным названиям лица, свидетельствуют о существовании в прошлом определенной шкалы норм, содержащей эстетическую или морально-этическую оценку, характеристику разнообразных качеств именуемого (с позиции «хорошо» — «плохо»). Призмой, через которую происходила оценка норм, являлось отношение к труду. Лень, глупость, болтливость, медлительность, пьянство и пр., а также различные наследственные и приобретенные физические недостатки лица: полнота, худощавость, немощность, возраст и пр., которые мешали человеку полноценно трудиться, — были особенно заметны и находили отражение в языке. К названиям лиц со значением 'ленивый человек' в памятниках письменности Карелии XV—XVII веков восходит более 20 именований (*Бекет, Ботало, Залезень, Ленгач, Лодыга, Лох, Холдыга, Шебуня, Шабала и т.д.*).

Именований с «положительной» внутренней формой значительно меньше, так как трудолюбие, сметливость, расторопность, воздержанность, радушие, физическая сила считались нормой, а потому реже находили отражение в лексике (апеллятивной и ономастической).

Таким образом, составление региональных словарей, справочников, посвященных происхождению именований, актуально.

Исторические ономастические материалы XV—XVII веков, относящиеся к территории Карелии и сопредельным с ней областям, еще не были представлены в ономастической лексикографии. Сделана первая попытка создания словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-западной Руси XV—XVII веков. Исследование проводилось на материале опубликованных местных деловых документов. Отметим, что большая часть именований, представленных в словаре, соотносится с современными фамилиями жителей Карелии.

Неоднородность ономастического материала, его уникальность обусловили и разнообразие типов словарных статей. При этом в словарь включаются преимущественно некалендарные личные имена, прозвища и образованные от них фамильные прозвания; включаются также посесивные ойконимы, если они находят отражение в современной антропонимической системе; словарная статья включает сведения о распространении именования в других регионах средневековой Руси; приводится существующая этимология, которая представлена другими ономастами; при объяснении возможной внутренней формы прежде

всего учитываются данные русских говоров Карелии, а также Новгородской и Псковской земель.

И. В. Кузьмин (Нижний Новгород)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время в связи с широким распространением персональных компьютеров и небывалым развитием связанных с ними передовых технологий перед лексикографами открывается целый ряд не имевшихся ранее возможностей. Компактное размещение не только текстовой и графической, но и аудио-, и даже видеoinформации, наличие сопутствующих поисковых систем, реализующих принцип нелинейного доступа к информации, повышают эффективность использования представленных сведений как специалистами-исследователями, так и рядовыми пользователями.

На сегодняшний день создано большое количество информационно-справочных систем, содержащих информацию всех четырех перечисленных выше видов (так называемых мультимедийных энциклопедий); неплохо представлена сфера двуязычных словарей, и очень немного электронных лексикографических разработок в области одноязычных толковых и диалектных словарей русского языка.

Процесс составления любого словаря, и диалектного в том числе, связан с несколькими подготовительными этапами, которые в конечном счете можно свести к двум основным:

1. Сбор и первичная систематизация рабочего материала — этап, предполагающий создание диалектной картотеки;
2. Обработка имеющихся фактических данных, оформление словарных статей, то есть подготовка «конечного продукта» — диалектного словаря.

Таким образом, в распоряжении коллектива лексикографов оказываются два названных выше информационных блока. Следует подчеркнуть, что каждый из них имеет самостоятельную ценность: диалектный словарь является итогом работы коллектива, однако опубликованный труд — монумент, воздвигнутый конкретному синхронному срезу, статичный, так сказать, по определению, имеющий во многом субъективный характер. Поэтому указанный конечный продукт не является вен-

цом лексикографической работы и собранный (вернее, постоянно собираемый) рабочий материал — картотека — не теряет актуальности и после реализации второго этапа работы. Это обусловлено наличием двух факторов: а) картотека постоянно пополняется, отражая тем самым современное состояние диалектов; б) она представляет объективный материал, необработанный, не прошедший через призму субъективной авторской оценки составителей словаря.

Ценность картотеки повышается, если она удобна для использования; максимальное же удобство в работе с хранящимися в картотеке данными означает легкое и быстрое к ним обращение, которое предполагает упоминавшийся ранее нелинейный доступ к информации, реализующийся при помощи современных информационных технологий. Таким образом, перед работающими в сфере региональной лексикографии исследователями стоит задача по преобразованию традиционных «бумажных» картотек в электронные. Безусловно, это должны быть не просто текстовые файлы, а информация, организованная по типу реляционной *базы данных*.

В Нижегородском университете такая работа ведется с 1993 г. За 6 лет было введено около 45 тыс. карточек (записей) АБД ДСНО (Автоматизированной базы данных Диалектного словаря Нижегородской области). Языковые факты, которые содержит стандартная диалектная карточка, располагаются на соответствующих полях конкретной записи электронной базы данных. Вместо специальной поисковой системы для рабочих выборок применяется стандартный набор команд, использующийся в любом пакете СУБД. На наш взгляд, очень важно соотнести лексику с определенными тематическими группами. Это частично реализовано в АБД ДСНО. Такое соотнесение имеет несомненную ценность для исследователя-диалектолога: возможность тематических выборок существенно сокращает время обработки данных при анализе соответствующего лексического пласта.

Можно сказать, что к настоящему времени коллективом составителей Диалектного словаря Нижегородской области детально разработана и апробирована методика подготовки и последующего ввода лексикографических данных. Таким образом, в дальнейшем возможны некоторые усовершенствования только в технологической сфере (например, отказ от уже устаревшего пакета DOS-программ и переход в более дружественную для пользователя среду Windows), однако на концептуальном уровне существенные изменения не предполагаются.

В связи с тем, что первые шаги по пути освоения передовых информационных технологий уже сделаны, планируется наряду с традицион-

ной публикацией диалектного словаря Нижегородской области создать параллельную электронную версию на CD-диске. Возможно, задачи региональной лексикографии не предполагают создание глубокой многоуровневой гипертекстуальной системы (на сегодняшний день, по нашему мнению, ярким примером такой системы может служить русско-английский, англо-русский словарь Lingvo-5), однако требования диалектологической науки весьма специфичны по сравнению с проблемами, возникающими перед разработчиками двуязычных словарей обычного типа. В свете современного уровня развития компьютерных технологий представляется возможным, к примеру, объединить задачи диалектной лексикографии и лингвогеографии, что уже позволяет говорить о новом направлении прикладного характера — электронной лингвогеографии.

Несомненно, потенциальный круг пользователей диалектного словаря гораздо уже, нежели традиционного двуязычного. Это обстоятельство обуславливает необходимость соответствующей ориентации поисковой системы, разрабатываемой для электронного словаря. Желательно расширение возможностей традиционного интерфейса, который использует рядовой потребитель программного продукта: управляющая словарными данными система должна обладать способностью реализации специальных выборов, необходимых в работе исследователя-лингвиста.

В заключение остается добавить, что реализация подобных проектов невозможна, во-первых, без тесного сотрудничества специалистов-лингвистов и программистов. Как показывает опыт, эффективность прямого контакта лингвист — программист практически всегда крайне невысока; в подобной связке должно быть среднее звено: филолог, разбирающийся в технических нюансах или (что бывает реже) специалист по программному обеспечению, сведущий в лингвистических вопросах. Во-вторых, работа над отдельными региональными электронными словарями и, далее, единым банком данных сильно затрудняется вследствие отсутствия оперативного обмена соответствующей информацией. Однако есть надежда на то, что в перспективе эта проблема будет решена при помощи глобальной сети Интернет.

ПИСЦОВЫЕ КНИГИ ВОЛОГДЫ И УСТЮГА ВЕЛИКОГО XVII в. КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ

С 60-х годов XX века интенсивно развивается историческая стилистика. В ее рамках исследователи рассматривают исторический памятник в целом, в единстве и взаимосвязи различных уровней языка, актуализированных при составлении документа. В центре внимания находятся особенности кодификации таких единиц языка, как формуляр, статья, формула.

Особый интерес вызывают памятники периферийной деловой письменности XVII в. и, в частности, документы писцового делопроизводства — Сотная книга 1630 г. г. Устюга Великого (далее — СКУВ) и Писцовая книга г. Вологды 1629 г. (далее — ПКВ).

Объектом исследования являются статьи с описанием торгового помещения (лавки). Сравнительный анализ этих единиц текста позволяет выделить специфическое в каждом документе.

Так, статья в СКУВ строится на основе трех формул: [наименование объекта описания] + [наименование владельца] + [размеры объекта описания], например: *Л[авка] Иваишка Потапова, дл[ина] 3 саж. безъ ½ ч., а поп[ерегъ] 2 саж. съ ½ ч.* (СКУВ, с. 32). Минимальная статья в ПКВ включает в себя кроме перечисленных формул, четвертую формулу [размер налога], например: *Лавка во дворѣ посад. человѣка Якушка Мануйлова по лицу 4 с. безъ четверти, оброку 6 алт. 4 ден.* (ПКВ, с. 75). Кроме того, в памятнике Вологды 98 % статей с описанием торгового помещения (лавки) имеет в своем составе дополнительные формулы, содержащие указание на предыдущего владельца или на документ, дающий право владения. В итоге статья в ПКВ может состоять из шести формул — [наименование объекта описания] + [наименование владельца] + [указание на предыдущего владельца лавки] + [размер объекта описания] + [указание на документ, дающий право владения] + [размер налога], например: *Л[авка] посадсково человѣка Тренки Драницына, а напередъ тово была посадсково человѣка Овдокимка Мартьянова по лицу 2 саж., владѣтъ по купчей 122 г. оброку 3 алтына 2 деньги* (ПКВ, с. 44).

Формулообразующие лексемы в статьях обоих памятников отличаются стабильностью, причем в ПКВ формульная лексика чаще сопровождается дополнительными уточняющими характеристиками, например, формула [наименование владельца] в большинстве случаев

расширяется компонентами, характеризующими лицо либо по социальному положению, либо по профессии, либо по месту жительства: *лавка каменщика Левки Фомина* (ПКВ, с. 40), *два лавки вологжанина, посадского человека Терешки Ноугородова на два лица* (ПКВ, с. 23). В СКУВ, напротив, апеллятивная лексика в структуре антропонимических моделей используется редко.

Данные факты позволяют выделить такие черты ПКВ, как сложность структуры статьи, большой набор формул, разнообразие лексического наполнения. На этом фоне СКУВ характеризуется лаконизмом в оформлении всех единиц текста: статьи памятника предельно сжаты, набор формул минимален, и они лишь изредка расширяются дополнительной лексикой. При этом вариативность статей с описанием торгового помещения (лавки) в обоих документах низка, что говорит о стремлении писцов каждого областного центра к соблюдению избранных ими норм.

Проведенные наблюдения позволяют говорить о том, что в период становления национального языка еще сохраняются местные разновидности деловой письменности. В данном случае своеобразие памятников выражается в структуре статей, их формульном составе и лексическом наполнении, что обусловлено разной степенью информативности и регламентированности источников.

Важно также отметить, что эти региональные особенности выявлены в документах, которые в сравнении с другими разновидностями государственных актов в наибольшей степени регламентировались центром.

Н. В. Попова (Санкт-Петербург)

ИЗБЫТОЧНЫЕ СЛОВАРНЫЕ ВАРИАНТЫ КАК ПРОДУКТ РАСПАДА СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОГОВ

Наши наблюдения являются продолжением темы о переразложении сложных предлогов. На предыдущей конференции мы обращали внимание на словарные фантомы — слова, изобретенные составителями, не различающими на письме забытые теперь сложные предлоги, которые на письме оформлялись как предлог плюс приставка прилежащего слова («зарыба» «выплывала» из контекста: *ловить на зарыбу*, где иное написание с учетом забытого предлога *на-за* прояснило бы загадочное образование «зарыба»).

Сложные предлоги оставили в диалектных словарях след в виде вариантов однокорневых слов — бесприставочных и осложненных приставками, так сказать, разнооформленных, бытование которых в диалектах подтверждено одними и теми же примерами.

Предлог *в-за* в СРНГ имеет одну из иллюстраций: *Перевезите в-за реку*. Онеж. КАССР. *В эту сторону ходил, в-за Шую*. Сузд. Влад. (вып. VI, с. 231). Словарная статья *зарека* подтверждена примерами: *Схоть-ка в зареку за коням (в-за реку)*. Пудож. Олон., 1885-1898 и др.

Большое количество однокоренных вариантов слова *ко'рки*, осложненных приставками, находим в Словаре русских народных говоров: *ко'рки* — плечи. *Садись на корки*. Влад. *Кокорешки* (на *кокорешки* брать, взять); *закокора'шки*: то же что *закорки*. Арх. *Закокорашками нести, тащить*. Арх. *Коко'рки*. *За кокорки* (посадить и т. п.). *На закорки*. *Посадил на шею за кокорки и к усадьбам притащил*. Киров. *Ку'кры*. Плечи. *Таскать на кукрах*. *Ку'корки* и *кука'рки*. Арх. *Назакукор*. *На закорки*. *Назакрошку*. *Голодный год был, мать меня назакрошку и сюда прибежала*. Свердл. 1971. *Позавыберью* (там, где не положено ходить). *Что это шатаесть позавыберью* перекликается со словоформой *вы'быль*: часто употребляется в выражении *по-за выбылью шатался*, т. е. пропадал неизвестно где. Яросл. Примеры можно еще умножить, но и по этим свидетельствам видно, что иллюстрации однотипны, но орфографически различаются слитным или раздельным написанием с предлогами. Эти примеры демонстрируют стабильность семантики при орфографическом разном. Приставка и предлог меняются местами, сложный предлог разрывается на составные компоненты, при слитном написании сращения подаются как наречия и т. д.

Таким образом, разложение сложных предлогов приводит к образованию новых лексем, новых устойчивых сочетаний и умножению словарных вариантов однокоренной словоформы.

С. Н. Смольников (Вологда)

АНТРОПОНИМИЯ УСТЮЖСКОГО КРАЯ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕСТНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Начиная с 60-х гг. XX в. внимание лингвистов привлекают проблемы лингвогеографического изучения топонимии (Р. А. Агеева, М. В. Витов, И. В. Власова, И. А. Воробьева, А. К. Матвеев, И. И. Муллонен, В. А. Никонов, Ю. С. Азарх, О. А. Купчинский, Ю. И. Чайкина и др.).

Ареальному описанию подвергаются топоосновы и топоформанты (как субстратные, так и собственно русские), географические термины, так называемая перенесенная топонимия — географические названия, мигрирующие вместе с переселенцами (В. П. Нерознак, Н. А. Подольская, И. А. Воробьева, М. В. Горбаневский и др.).

Между тем обширные исторические антропонимические материалы практически не привлекаются для решения данных проблем или используются в незначительной степени (исследования географии русских фамилий, изучение распространения суффиксов личных имен в древнерусском языке). В настоящее время назрела серьезная проблема изучения антропонимических диалектов и их границ.

Ценность старорусской антропонимии заключается в том, что имеющиеся в памятниках письменности данные имеют массовый характер, четко датированы и локализованы. Они отражают этнокультурные особенности жителей различных территорий XVI—XVII вв. в эпоху централизации русского государства.

Видимо, есть немало объективных причин, по которым доступная исследователям старорусская антропонимия считается малоинформативной в лингвогеографическом плане: сравнительно поздний характер ее по отношению ко времени заселения края, общие тенденции развития на разных территориях, подвижность, изменчивость, крайняя зависимость от социальных факторов, а также отсутствие работ, подробно описывающих локальные антропонимические системы в одних и тех же аспектах. Трудности связаны и с характером источников — памятников деловой письменности.

Данные старорусской антропонимии Устюга Великого, Устюжского уезда, волостей Усольского уезда, Устьянских волостей, отмеченной в памятниках местной деловой письменности XVI—XVII вв. и реконструируемой на базе антропотопонимов, свидетельствуют об источниках формирования населения этого севернорусского региона и сравнительно поздних миграциях. Привлеченный к анализу материал рассматривался с точки зрения распространенности отдельных суффиксов личных имен (*-ат-а*, *-хн-о* и др.), связанных с ранней новгородской колонизацией, этнонимов (*чудин*, *черемисин*, *мордвин*, *корела*, *пермитин* и др.). Достаточно информативны прозвища-катойконимы, которые выделяются из личных именований или реконструируются на материале местных фамилий и топонимов. Их этимоны позволяют выявить, выходцы каких земель переселялись на исследуемую территорию в XVI — XVII вв. (с территории Вологды и Белозерья, Вятки, Ваги, Пинеги и Мезени, из центральных и западных районов Московского государства (Москва,

Подмосковье, Балахна, Коломна, Муром, Рязань, Волынь, Тверь, Новгород, Ржев, Ярославль, Кострома, Чухлома, Галич и др.), а также о локальных миграциях, определявших формирование местных этноязыковых и этнокультурных общностей (*южсане, уфтюжане, верховцы, низовцы, вилегжане* и др.). География катойконимов позволяет выявить основные пути миграции населения в XVI—XVII вв. (например, с Ваги по Устье в Северодвинские волости (Черевковская, Пермогорская, Уф-тюга); с Ваги по Кокшеньге на Сухону, а далее по ее притокам на р. Юг; с Пинеги по Уфтюге на Северную Двину и т.д.).

В целом антропонимия региона в XVII в. однородна, в ней значительны черты, сближающие ее с антропонимическими системами других севернорусских территорий и центральных районов России.

Л. А. Цыцылкина (Вологда)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЛОТНИЦКОЙ ЛЕКСИКИ (по материалам памятников деловой письменности XVI—XVII вв.)

Строительная лексика русского языка представляет собой обширную смысловую зону, в составе которой выделяется ряд лексических множеств: названия построек и их частей, наименования строительных материалов, орудий труда, профессий, процессов и методов строительства. Данные группы слов в свою очередь входят в два основных семантических поля: 'деревянное зодчество' и 'каменное зодчество'

Памятники русского языка донационального периода свидетельствуют о том, что строительная лексика в целом является исконно русской по происхождению и восходит к XI—XII вв.: термины данной группы зафиксированы в древнерусских письменных памятниках (*глава, венец, клеть, стена* и др.). Становление профессиональной плотницкой лексики происходит позднее, в старорусском языке (XV—XVII вв.). В XVIII—XIX вв. под воздействием ряда экстралингвистических факторов в терминосистему каменного зодчества проникают иноязычные элементы, в то время как плотницкая лексика в силу устойчивости народных традиций не претерпевает значительных изменений.

Рассматривая довольно обширную систему терминов деревянного зодчества, следует выделить в ней ряд лексических множеств: названия жилых строений, названия хозяйственных построек, названия культовых сооружений, названия частей и деталей строительных конструкций,

названия строительных материалов, названия плотницких инструментов, названия трудовых процессов, способов рубки, соединения деталей и т.д.

Наиболее многочисленной в ряду приведенных лексических множеств является группа слов 'части и детали здания', большую часть которой составляют термины, связанные с возведением верха, крыши строения.

Как показывают письменные источники XVI—XVII вв., для обозначения верхней части здания (крыши) в старорусском языке использовалось несколько лексем: *верх* (СлРЯ XI—XVII, 2, 101); *покров* (СлРЯ XI—XVII, 16, 176); *кровля* (СлРЯ XI—XVII, 8, 62); *обвершка* (СлРЯ XI—XVII, 12, 14); *острешие* (СлРЯ XI—XVII, 13, 156), *стреха* (Рорре, 134). Термины обладали тождественным значением 'верхняя оболочка крыши, состоящая из водонепроницаемого покрытия и обрешетки, кровля'. В современном литературном языке в данном значении употребляется термин *кровля*, а также лексема *крыша*, вошедшая в употребление лишь в XVIII в. Как отмечает В.И. Даль, в говорах в значении 'кровля' выступали лексемы *обвершка* (Д II, 1473), *посом* (Д III, 884), *стреха* (Д IV, 574).

В рассматриваемом лексическом множестве можно выделить две группы слов: 'части конструкции кровли' и 'вспомогательные, декоративные детали кровли'. В первую группу входят термины — названия элементов каркаса кровли: *стропило* (Рядн. Важск.у. 1666; Рорре, 138); *быки* (Судн. Куростр.в. 1709; Д I, 366; СРНГ 3, 343); *козлы* (СлРЯ XI—XVII, 7, 222; в современных говорах данное значение лексемы утратилось); *курица*, *куричина* (СлРЯ XI—XVII, 8, 139); *шатины* (Протопопов, 272; Порядная УВ 1672), обозначающие 'толстое наклонное бревно (бревна), служащее основой кровли'. Кроме того, необходимо отметить в данной группе лексемы *обрешетина* (СлРЯ XI—XVII, 12, 154), *решетина* (СлРЯ XI—XVII, 22, 155), *слега* (Бурнашев 2, 218), имевшие в старорусском языке одно значение — 'жердь, прибиваемая к стропилам для настила кровли'.

Вторая лексическая группа включает в себя названия декоративных элементов кровли (*виски*, *гребень*, *зубцы*, *князек*, *конек*, *охлупень*, *подзор*, *причелина*), а также вспомогательных деталей конструкции (*водотечник*, *водопуск*, *желоб*, *застреха*, *поток*, *слив*), которые в старорусском языке обозначали одну реалию — выдолбленное бревно для стока дождевой воды, в которое упираются нижние концы кровельных слег.